

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ДИНОЗАВРЫ

Майкл Крайтон

Затерянный мир

Парк юрского периода

Майкл Крайтон
Затерянный мир

«ЭКСМО»

1995

УДК 821.111.312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Крайтон М.

Затерянный мир / М. Крайтон — «Эксмо», 1995 — (Парк юрского периода)

Несколько лет прошло с тех пор, как прекратил свое существование Парк юрского периода. Остров был закрыт для посещений, а все динозавры – уничтожены. Но слухи о странных животных, которых видели на побережье и в джунглях Коста-Рики, не прекратились. И однажды к Яну Малькольму, чудом пережившему катастрофу в Парке, обратился молодой и амбициозный палеонтолог Ричард Левайн. Он предложил снарядить экспедицию на поиски «затерянного мира» – места, где до сих пор живут динозавры. К несчастью, информация о таинственном острове с заброшенными научными лабораториями есть не только у Малькольма и Левайна. Их соперники пойдут на все для того, чтобы заполучить секрет создания динозавров...

УДК 821.111.312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Крайтон М., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

Предисловие. Вымирание видов на рубеже К-Т периодов	6
Пролог	9
Жизнь на грани хаоса	9
Затерянный мир. Гипотезы	12
Первая конфигурация	18
Формы, отклонившиеся от нормы	19
Сан-Хосе	24
Отъезд	28
Пало-Альто	30
Беркли	33
Затерянный мир	35
Школа	39
Метка	43
Торн	46
Вторая конфигурация	53
По следам	54
Раптор	58
Пять Смертей	61
Джеймс	64
«Полевые Системы»	66
Хардинг	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Michael Crichton

Майкл Крайтон Затерянный мир

© Непочатова И., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается Кэролин Конгер

А вот что меня действительно интересует – был ли у Бога, когда он творил мир, какой-то выбор?

Альберт Эйнштейн

При хаотическом состоянии даже минимальные изменения в структуре почти всегда порождают существенные изменения в поведении системы. Управляемость поведения приводит систему к статике.

Стюарт Кауффман¹

Последствия в принципе непредсказуемы.
Ян Малкольм

¹ Стюарт Кауффман (род. в 1939) – американский биолог-теоретик, известный своими работами по проблеме происхождения жизни на Земле. Утверждает, что сложность биологических систем и организмов может быть как результатом самоорганизации, так и результатом естественного отбора. (Здесь и далее – примечания переводчика и редактора.)

Предисловие. Вымирание видов на рубеже К-Т периодов

Конец двадцатого столетия ознаменовался значительным ростом интереса научной общественности к вопросу о вымирании видов.

Вопрос этот не нов – в 1786 году, вскоре после Американской революции, барон Жорж Кювье² первым заявил о вымирании видов. Правда, ученые согласились с фактом вымирания лишь спустя три четверти века, когда Дарвин выдвинул свою знаменитую теорию эволюции. А после Дарвина возникало множество противоречивых опровержений его теории, но все они, как правило, не касались вопроса вымирания видов.

Напротив, ученый мир дружно согласился, что вымирание – неопровержимый факт, такой же, как то, что машины движутся, сжигая бензин. Вид вымирал, когда не мог приспособиться к изменяющимся условиям жизни. Ученые тщательно исследовали и горячо спорили о том, каким же образом виды приспосабливались к окружающей среде. Но никто даже под сомнение не ставил утверждение, что некоторые виды вымерли безвозвратно. Что тут можно еще добавить? Тем не менее, в начале семидесятых годов двадцатого века два открытия пролили новый свет на этот вопрос.

Первое заключалось в том, что человечество стало многочисленным и очень быстро распространилось по всему земному шару – вытесняя коренных обитателей животного мира, вырубая тропические леса, загрязняя воздух и воду, а возможно, и изменяя климат на всей планете. Вследствие чего многие виды начали вымирать. Некоторые ученые забили тревогу; остальные сильно обеспокоились. Кто знает, насколько устойчива экосистема Земли? Насколько уязвима? Что, если люди найдут слишком далеко и мир изменится так, что это приведет к их собственному вымиранию?

На эти вопросы никто не мог дать точного ответа. Поскольку никто не задавался целью изучать проблему вымирания видов, то сведений о гибели видов в прошлые геологические периоды было чрезвычайно мало. Потому ученые принялись внимательно исследовать причины вымирания в прошлом, чтобы ответить на вопросы, волнующие их в настоящее время.

Второе открытие касалось гибели динозавров. Давно было известно, что все виды динозавров вымерли в кратчайшие сроки, в конце мелового периода, примерно шестьдесят пять миллионов лет назад. Собственно, по поводу этих сроков тоже ломалось множество копий: одни палеонтологи считали, что все произошло катастрофически быстро. Другие полагали, что динозавры вымирали постепенно, в течение десяти тысяч – десяти миллионов лет, а это уже немалый срок.

Потом в 1980 году физик Луис Альварес³ с тремя коллегами обнаружили повышенное содержание иридия в отложениях конца мелового – начала третичного периодов, на так называемом рубеже М-Т. (Англичане использовали аббревиатуру К-Т, чтобы не путать Cretaceous (меловой) и Cambrian (кембрийский) периоды.) На Земле иридий встречается редко, зато его часто находят в осколках метеоритов. Группа Альвареса предположила, что отложения рубежа М-Т богаты иридием потому, что в то время на планету рухнул огромный метеорит диаметром во много километров. Они выдвинули гипотезу, что поднявшиеся тучи пыли и мелких обломков закрыли небо, помешали фотосинтезу, погубили растения и животных и положили конец владычеству динозавров.

² Жорж Леопольд Кювье (1769–1832) – французский естествоиспытатель, натуралист. Считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии.

³ Луис Уолтер Альварес (1911–1988) – американский физик-экспериментатор. Участник Манхэттенского проекта, лауреат Нобелевской премии по физике 1968 года.

Эта драматическая гипотеза потрясла воображение прессы и широкой публики. Тотчас же посыпались опровержения, и спор длился еще много лет. Где же находится кратер этого гигантского метеорита? Выдвигались разные предположения. История планеты насчитывает пять основных периодов вымирания видов – что, все они вызваны метеоритами и падали с регулярностью в двадцать шесть миллионов лет? Не ждет ли Землю новый опустошающий удар?

И десять лет спустя эти вопросы остались без ответа. Страсти бушевали до августа 1993 года, когда на еженедельной конференции института Санта-Фе выступил нетрадиционный математик Ян Малкольм. Он заявил, что эти вопросы беспредметны, поскольку гипотеза о падении огромного метеорита – «не относящийся к делу вымысел».

– Обратимся к числам, – сказал Малкольм, облакачиваясь о кафедру и пронзая взглядом притихшую аудиторию. – На нашей планете в настоящий момент существует пятьдесят миллионов видов растений и животных. Нам кажется, что это необычайное многообразие, но мы забываем о том, что было раньше. С момента появления жизни на Земле животный и растительный мир насчитал пятьдесят миллиардов видов. Отсюда следует, что из всех когда-либо существовавших видов уцелел лишь один из тысячи. Другими словами, девяносто девять и девять десятых процента всех видов вымерли. Поголовные истребления составляют от этого числа всего пять процентов. Остальные исчезли сами по себе.

Малкольм объяснил, что жизнь на Земле отмечена непрерывным, последовательным процессом вымирания. В целом средняя продолжительность жизни отдельно взятого вида составляет четыре миллиона лет. У млекопитающих – один миллион. Затем вид гибнет. Так и выходит, что за несколько миллионов лет каждый вид формируется, множится и процветает, а потом вымирает в свой срок. В среднем за всю историю жизни на планете в день погибало по одному виду.

– Но почему? – спросил ученый. – Что приводит земные виды к вымиранию с регулярностью в четыре миллиона лет? Во-первых, мы до сих пор не уяснили, насколько активна наша планета. За последние пятьдесят тысяч лет – геологическое мгновение ока – тропические леса успели сильно сократиться, а потом снова разрастись. А тропические леса – форма жизни сравнительно недавняя. Какие-то десять тысяч лет назад, когда на Американском континенте уже обитали племена охотников, оледенение доползло до современного Нью-Йорка. Тогда погибло множество животных.

Итак, как мы видим, – продолжил Ян Малкольм, – виды животных живут и умирают в очень изменчивой окружающей среде. Этим, вероятно, объясняются девяносто процентов всех случаев вымирания. Если море обмелеет или в нем повысится концентрация соли, океанский планктон, конечно, погибнет. Но такие сложные существа, как динозавры, дело другое. Сложные животные обособились – в прямом и переносном смысле – от перемен окружающей среды. Почему же они вымерли? В физическом плане у них были все шансы выжить. Они не должны были погибнуть – и все-таки погибли.

Я решил предположить, что сложные животные вымирают не из-за неспособности адаптироваться к изменившимся условиям жизни, а из-за собственного поведения. Позднейшие разработки в теории относительности⁴ и нелинейной динамике⁵ позволяют примерно представить себе, как это происходит. Из них следует, что сложные существа могут быстро

⁴ Теория относительности – физическая теория пространства-времени, описывающая универсальные свойства физических процессов. Термин был введен в 1906 г. Максом Планком, основные принципы теории относительности были разработаны А. Эйнштейном.

⁵ Нелинейная динамика – междисциплинарная область знания, изучающая свойства нелинейных динамических систем (систем, в которых протекают процессы, описываемые нелинейными дифференциальными уравнениями). Примером нелинейной динамической системы могут служить зоны турбулентности в атмосфере.

меняться, причем не всегда в лучшую сторону. Предположим, что их поведение может изменить окружающую среду, что и приведет к упадку и смерти. Предположим, что в какой-то момент животные могут перестать приспосабливаться. Не случилось ли все это с динозаврами? Не это ли истинная причина их вымирания? Мы никогда не узнаем. Но не случайно люди так сильно заинтересовались этим вопросом. Закат владычества динозавров позволил млекопитающим – включая и нас – встать на ноги. А отсюда мы напрямую переходим к вопросу: не повторится ли трагедия вымирания динозавров, но на этот раз с нами в главной роли? Не кроется ли на самом деле причина в нашем с вами поведении, а не в слепой судьбе или каком-то огненном метеорите с небес? На данный момент у нас ответа нет. – Малкольм усмехнулся – Но у меня есть пара предположений.

Пролог

Жизнь на грани хаоса

Институт Санта-Фе размещается в нескольких строениях вдоль проспекта Каньон, которые прежде принадлежали монастырю. А институтские конференции проводятся в бывшей молельне. Сейчас, стоя на подиуме, в водопаде солнечного света, Ян Малкольм на мгновение театрально умолк, прежде чем продолжать лекцию.

Ему исполнилось сорок лет, и был он притчей во языцех во всем институте. Малкольм одним из первых начал разрабатывать теорию хаоса⁶, но его многообещающую карьеру нарушило ранение во время путешествия по Коста-Рике. Ранение было весьма опасным, так что многие газеты поспешили объявить Малкольма погибшим. «Прошу прощения, что прерываю празднования в математических факультетах по всей стране, – позже съязвил он, – но оказалось, что я был мертв лишь слегка. Хирурги сотворили чудо и первыми же готовы распространяться об этом. Так что я снова здесь – так сказать, вторая производная».

Весь в черном, опирающийся на трость, Малкольм казался воплощением строгости. В институте его знали как нешаблонного аналитика и неисправимого пессимиста. Лекция, которую он прочел в этом августе, под названием «Жизнь на грани хаоса» являла его типичный образ мысли. В ней Малкольм представлял свои выкладки по теории хаоса применительно к эволюции.

Он и мечтать не мог о более компетентной аудитории. Институт Санта-Фе был основан в середине восьмидесятых годов нашего столетия группой ученых, которые решили досконально разработать теорию хаоса. Сюда съехались представители всех направлений науки – физики, экономисты, биологи, программисты. Объединяла эту разношерстную братию вера в то, что сложная структура мира скрывает от науки глобальный закон, который возможно вывести лишь с помощью теории хаоса, получившей теперь новое название – теория сложности⁷. Одним словом, теория сложности была объявлена «наукой двадцать первого века».

Институт исследовал огромное число сложных систем – ярмарки, нейроны в мозгу человека, движение ферментов в одной-единственной клетке, поведение перелетных птиц в стаях – и систем настолько запутанных, что изучение их было бы невозможно без компьютерной обработки. Ученые приступили к исследованиям недавно, но успели к этому времени получить ошеломляющие результаты.

Уже на первом этапе они обнаружили, что в сложных системах проявляются определенные общие модели поведения. И пришли к выводу, что эти модели характерны для всех сложных систем. Исследователи поняли, что эти модели нельзя объяснить, анализируя каждый отдельно взятый компонент системы. Проверенный временем научный подход редукционизма⁸ (чтобы понять работу часов, нужно разобрать их по винтикам) не работает в случае со

⁶ Теория хаоса – область исследований, связывающая математику и физику. Теория хаоса гласит, что сложные системы чрезвычайно зависимы от первоначальных условий, и небольшие изменения в окружающей среде могут привести к непредсказуемым последствиям.

⁷ Теория сложности изучает системы непредсказуемые, управляемые случаем, находящиеся в хаотическом состоянии. С помощью обычных научных методов поведение таких систем не объяснить.

⁸ Редукционизм (от лат. *reductio* – возвращение) – методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть объяснены с помощью законов, свойственных более простым явлениям.

сложными системами, поскольку интересующие науку модели поведения, похоже, возникают именно из-за взаимодействия различных компонентов этих систем. Поведение систем нельзя назвать ни запланированным, ни направленным, оно просто существует – и все. Поэтому эти модели поведения получили названия «самопроизвольные».

– Что касается самопроизвольных моделей поведения, – продолжил Ян Малкольм, – то для изучения эволюции показательны две из них. Первая – это адаптация. Мы наблюдаем эту модель повсеместно. Группы людей приспосабливаются к условиям ярмарки, клетки мозга приспосабливаются к сигнальной системе, иммунная система приспосабливается к инфекции, животные приспосабливаются к среде обитания. Мы пришли к выводу, что способность к адаптации характерна для сложных систем. Возможно, именно благодаря ей эволюция продвигается к созданию все более сложных организмов.

Оратор переступил с ноги на ногу и перенес вес на трость.

– Но более важно понять, каким способом сложные системы балансируют между необходимостью упорядоченности и императивом к переменам. Сложные системы стремятся к местоположению, которое мы называем «грань хаоса». Представим себе точку, достаточно нестабильную, чтобы поддерживать перемены живой системы, и достаточно стабильную, чтобы не дать ей скатиться в хаос анархии. Это зона конфликта, где новое и старое находятся в состоянии постоянной войны. Отыскать эту грань очень сложно. Если живая система подойдет слишком близко к краю, она рискует смешаться и распасться, а если отодвинется слишком далеко, то замрет, застынет и закоснеет. Оба состояния ведут к вымиранию. Слишком много или слишком мало перемен ведут к гибели. Сложная система может процветать только на грани хаоса. – Он помолчал. – Можно сделать вывод, что вымирание – это неизбежный результат той или иной стратегии: слишком мало или слишком много изменений.

В зале закивали. Большинство исследователей придерживались именно этой точки зрения. Вообще-то концепция грани хаоса считалась в институте едва ли не догмой.

– К сожалению, – продолжал Малкольм, – между этой теоретической схемой и фактом вымирания лежит пропасть. У нас нет возможности проверить правильность этих выводов. Окаменелые останки животных свидетельствуют о том, что они вымирали в определенные периоды истории, но не объясняют почему. Компьютерные версии эволюции не слишком достоверны. На живых организмах мы тоже не можем поставить эксперимент. Потому мы вынуждены признать, что вымирание нельзя объяснить ни теорией, ни практикой, а значит, оно не может быть предметом научных исследований. Возможно, именно поэтому между учеными и священниками разгорались такие споры по этому поводу. Вспомните, до сих пор еще никогда не возникало религиозных дебатов из-за числа «пи», или постоянной Планка⁹, или функционирования поджелудочной железы. А вот по вопросу вымирания уже двести лет идет постоянная война. Не знаю, как решить проблему, если... Да? В чем дело?

В дальнем ряду взметнулась нетерпеливая рука. Малкольм досадливо нахмурился. Институтская традиция гласила, что все вопросы задают после доклада, перебивать лектора считалось верхом неприличия.

– У вас есть вопрос? – спросил Малкольм.

В конце зала поднялся молодой человек тридцати лет с небольшим.

– Собственно, скорее замечание, – заявил он.

Он был смуглым и худым, одетым в рубашку и шорты цвета хаки. Его движения были точны и сдержанны. Малкольм вспомнил его – Левайн, палеонтолог из Беркли, приехал в институт на лето. Ян ни разу не разговаривал с ним, но знал о репутации Левайна: он считался

⁹ Постоянная Планка – основная константа квантовой теории. Любые энергетические обмены могут происходить порциями, пропорциональными постоянной Планка.

лучшим палеонтологом своего поколения, а возможно, и лучшим во всем мире. Но в институте его недолюбливали за напыщенность и надменность.

– Я согласен, – сказал Левайн, – что окаменелости не помогут установить причину вымирания. Отчасти потому, – объясняют нам ваши тезисы, – что причиной вымирания было поведение... по костям не узнаешь, как вело себя животное. Но я не согласен, что эти поведенческие тезисы невозможно проверить. На самом деле выводы напрашиваются сами собой. Хотя, возможно, вы пока об этом не думали.

Зал затаил дыхание. Малкольм сдвинул брови. Признанный математик не привык, чтобы его обвиняли в изложении непродуманных идей.

– Объяснитесь, – попросил он.

Левайн, казалось, остался равнодушным к напряжению, которое охватило весь зал.

– Пожалуйста. В меловой период динозавры распространились по всей планете. Мы находим их останки на каждом континенте и в каждой климатической зоне, даже в Антарктиде. Далее. Если причиной вымирания динозавров действительно послужило их поведение, а не череда катастроф, болезни, или смена растительности, или какое-либо другое распространенное объяснение, выдвинутое ранее, то мне кажется сомнительным, чтобы это поведение изменилось сразу и повсеместно. В свою очередь, это значит, что где-то на планете могли остаться живые динозавры. Почему вы не пытались их найти?

– Попробуйте сами, – холодно ответил Малкольм, – если вам это интересно. И если некуда девать время.

– Нет-нет, – спокойно сказал Левайн, – я вполне серьезно. Что, если динозавры не вымерли? Если они до сих пор существуют? Где-то в изолированном и отдаленном уголке земного шара.

– Вы имеете в виду «затерянный мир», – заметил Малкольм, и зал понимающе закивал. Институтские ученые разработали подручную терминологию общих эволюционных течений и схем. Это и «гороховое поле», и «проигрыш игрока», а также «игра жизни», «затерянный мир», «Красная Королева» и «черный шум». Так было проще обозначать вехи эволюции. Но все эти понятия...

– Нет, – упрямо повторил Левайн, – в самом прямом смысле слова.

– Тогда вас жестоко обманули, – отмахнулся Малкольм. Он повернулся спиной к залу и медленно подошел к доске. – Итак, прежде чем говорить о колебании жизни на грани хаоса, мы должны начать с вопроса: что является минимальной жизненной единицей? Большинство современных определений жизни учитывает наличие ДНК, но есть два примера, подтверждающие, что это определение слишком узко. Возьмем вирусы и так называемые прионы¹⁰, и станет ясно, что жизнь возможна и без ДНК...

В дальнем конце зала Левайн еще мгновение стоял, глядя в пустоту. Потом медленно сел и начал что-то записывать.

¹⁰ Прионы – особый класс инфекционных агентов, представленных белками с аномальной структурой и не содержащих нуклеиновых кислот. Вызывают болезни, поражающие головной мозг и другие нервные ткани. Все известные прионные заболевания в настоящее время неизлечимы и в конечном итоге смертельны.

Затерянный мир. Гипотезы

Когда лекция подошла к концу, было немногим за полдень. Малкольм заковылял через институтский двор. Рядом с ним шла Сара Хардинг, молодой биолог-практик, приехавшая из Африки. Малкольм знал ее уже семь лет, с тех пор, как в Беркли его попросили оценить ее докторскую работу.

Они резко отличались друг от друга – сутулый и затянутый в черное аскет Малкольм, опирающийся на трость, и стройная, спортивная Хардинг, излучающая молодость и энергию. Наряд ее был прост – шорты, футболка да солнцезащитные очки, сдвинутые на лоб. Черные волосы коротко пострижены. Сара занималась африканскими хищниками, львами и гиенами. На следующий день она должна была вернуться в Найроби.

Они сошлись поближе, когда Малкольм был в больнице. Хардинг провела весь отпуск в Остине, помогая Малкольму приходить в себя после многочисленных операций. Казалось, между ними начинался роман, и Ян – закоренелый холостяк – наконец решил сдаться и остепениться. Но потом Хардинг улетела в Африку, а Малкольм вернулся в Санта-Фе. Что бы ни случилось между ними раньше, теперь они были просто хорошими друзьями.

Они обсуждали вопросы, поднятые после лекции. По мнению Малкольма, иных возражений, как те, что прозвучали, ждать и не стоило: массовое вымирание *было* необходимо; человечество существует благодаря вымиранию видов в меловой период, когда исчезли динозавры, и млекопитающие смогли выйти на сцену. Один из слушателей выразился еще напыщенней: «Меловой период позволил зародиться нашему чувствительному сознанию!»

– А с чего вы взяли, что люди чувствительны и сознательны? – немедленно парировал Малкольм. – Люди предпочитают никогда не думать сами, им это непривычно. В основном представители нашего вида просто повторяют услышанное... и очень огорчаются, когда наталкиваются на противоположное мнение. Человек отличается не сознательностью, а конформизмом, что подтверждают войны на религиозной основе. Другие животные сражаются за территорию или пищу, но единственное, неповторимое животное под названием «человек» сражается еще и за свою «веру». Дело в том, что вера определяет модель поведения, которая очень важна для эволюции. Сейчас, когда наше поведение ведет нас прямым путем к вымиранию, говорить о сознании вообще бессмысленно. Мы твердолюбые, самодовлеющие конформисты. Любое другое определение нашего вида есть не что иное, как тщеславный самообман. Следующий вопрос.

И сейчас, шагая через двор, Сара вспомнила ответ Яна и усмехнулась:

– По-моему, никто не воспринимает проблему вымирания всерьез.

– Признаю, это несколько обескураживает, – согласился Малкольм. – Но что поделать?

Он покачал головой:

– Самые блестящие ученые со всей страны и... ни одной интересной идеи. Кстати, что это за тип, который перебил меня?

– Ричард Левайн? – Она снова рассмеялась. – Нахал, правда? Во всем мире его считают занозой в заднице.

– Недурно, – хмыкнул Малкольм.

– Дело в том, что он богат. Знаешь кукол «Бекки»?

– Нет, – глянул в ее сторону Малкольм.

– Ну, в Америке каждая маленькая девочка мечтает о такой. Собственно, это серия кукол – Бекки, Салли, Фрэнсис и еще несколько. Куклы-американки. Левайну досталась по наследству эта фирма. То есть этот парень – настоящий денежный мешок. И привык с налета получать все, что пожелает.

Малкольм кивнул.

– У тебя есть время пообедать?

- Конечно, я не против...
- Доктор Малкольм! Подождите! Пожалуйста! Доктор Малкольм!
- Малкольм обернулся. Через институтский двор на всех парусах мчался Ричард Левайн.
- О черт, – прошипел Малкольм.
- Доктор Малкольм, – начал запыхавшийся Левайн, – я крайне удивлен тем, что вы не восприняли мое предположение всерьез.
- С чего бы? – ответил Ян. – Это же абсурд.
- Да, но...
- Мы с мисс Хардинг собираемся пообедать, – сказал Малкольм, указывая на Сару.
- Да, но мне кажется, что вам следует пересмотреть свои взгляды, – настаивал Левайн. – Я говорю совершенно серьезно. Вполне возможно, что динозавры существуют до сих пор. До вас наверняка доходили слухи о странных существах в Коста-Рике, где вы уже бывали.
- Да, о Коста-Рике я могу сказать, что...
- И в Конго, – продолжал Левайн. – Уже несколько лет пигмеи заявляют о большом ископаемом ящере, возможно, даже об апатозавре, который обитает в чаще близ Бокамбу. И в джунглях Явы видели существо размером с носорога, вероятно, это потомок цератопса...
- Выдумки, – отрезал Малкольм. – Выдумки чистой воды. Никто ничего там не видел. Нет фотографий. Нет четких доказательств.
- Да, но отсутствие доказательств еще не доказательство отсутствия! – возразил Левайн. – Я уверен, что где-то существует уголок, в котором обитают выжившие динозавры.
- Все может быть, – пожал плечами Малкольм.
- Значит, и останки динозавров тоже могут быть, – не унимался Левайн. – Я получил сообщения, что в Коста-Рике появились новые существа. Вернее, их останки.
- Недавно? – насторожился Малкольм.
- Не совсем.
- А-а, я так и знал.
- Последнее сообщение пришло девять месяцев назад, – сказал Левайн. – Я тогда находился в Сибири, изучал того замороженного мамонтенка¹¹ и не мог вовремя вернуться. Но мне сказали, что это была огромная, нетипичная ящерица. Ее тушу нашли в джунглях Коста-Рики.
- Ну, и что потом?
- Ее сожгли.
- И, конечно, ничего не осталось?
- Именно.
- Нет ни фотографий, ни доказательств?
- Кажется, нет.
- Выходит, это вранье, – заключил Малкольм.
- Возможно. Но я считаю, что стоит снарядить экспедицию и обыскать эти районы. Малкольм изумленно воззрился на молодого ученого:
- Экспедицию? Чтобы найти мифический «затерянный мир»? А кто будет все это оплачивать?
- Я, – ответил Левайн. – И я уже прикинул предварительную смету.
- Это все выльется...
- Мне безразлично, во сколько это выльется. То, что существуют уцелевшие виды из других классов животных, – непреложный факт. Возможно, некоторые динозавры тоже пережили меловой период.
- Выдумки, – покачал головой Малкольм.

¹¹ Мамонтенек Дима – ископаемый мамонт, найденный в устье ручья Киргилях в 1977 году. Это был первый случай обнаружения туши мамонта в современное время и в виде, пригодном для исследований.

Левайн запнулся и подозрительно посмотрел на собеседника:

– Доктор Малкольм, от кого-кого, но от вас я не ждал подобного отношения. Вы только что предъявили миру свою гипотезу, и я предоставляю вам возможность проверить ее. Я-то думал, что вы ухватитесь за мое предложение руками и ногами.

– Я свое отхватался, – ответил Малкольм.

– Но вместо того, чтобы поощрить меня, вы...

– Динозавры меня не интересуют.

– Динозавры интересуют всех!

– Кроме меня.

Малкольм повернулся и зашагал прочь.

– Кстати, – заметил Левайн, – а что вы делали в Коста-Рике? Я слышал, что вы провели там почти год.

– Валялся на больничной койке. Шесть месяцев меня мучили интенсивной терапией. Меня даже нельзя было перенести к самолету.

– Да, я знаю, что вы были ранены. Но зачем вы вообще туда поехали? Уж не на поиски ли динозавров?

Малкольм поднял глаза на Левайна, прищурился от яркого солнца и тяжело налег на трость.

– Нет, – ответил он. – Не на поиски.

Они втроем сидели за маленьким столиком в уголке кафе «Гваделупа», находившегося по ту сторону реки. Сара Хардинг потягивала из бутылки «Корону» и наблюдала за двумя мужчинами, сидящими напротив. Левайна просто раширало от радости, что он завоевал право сидеть с ними за одним столиком. Малкольм выглядел уставшим и походил на отца, который слишком долго утихомиривал гиперактивного ребенка.

– Знаете, что я слышал? – продолжил Левайн. – Мне сказали, что несколько лет назад некая компания «ИнГен» генетически сконструировала динозавров и поселила их на каком-то острове в Коста-Рике. Но что-то у них пошло не так, погибло много людей, а динозавры были уничтожены. И теперь все как воды в рот набрали, чтобы не ссориться с законом. А может, просто договорились между собой. А правительство Коста-Рики боится отгвадить туристов. Потому все молчат. Вот и все, что мне известно.

Малкольм не сводил с него глаз.

– И вы этому верите?

– Конечно, сначала не поверил. Но ведь слухи держатся до сих пор. И разговоры по этому поводу не затихают. Предполагают, что вы, Алан Грант и еще несколько человек были там в это время.

– Вы уже расспрашивали Гранта?

– Признаюсь, да, на конференции в Пекине. Он сказал, что это ерунда.

Малкольм медленно кивнул.

– Вы тоже так считаете? – спросил Левайн, потягивая пиво. – Вы ведь знакомы с Грантом?

– Нет. Мы никогда не встречались.

Левайн пристально вгляделся в лицо Яна.

– Значит, все это неправда?

Малкольм вздохнул:

– Вам знакомо понятие «техномиф»? Его вывел Геллер из Принстона. Основной принцип заключается в том, что мы растеряли старые мифы – Орфей и Эвридика, Персей и Медуза. И заполнили пробел современными техномифами. В подтверждение Геллер приводит с десяток примеров. Один из них гласит, что в ангаре Воздушных сил Райт-Паттерсона держат живого инопланетянина. Во втором речь идет о том, что кто-то изобрел карбюратор, способный выжи-

мать сто пятьдесят миль на трех литрах бензина, но автомобильные компании выкупили патент и сели на него толстыми задницами. Ходит слух о русских, которые развивают у детей телепатию на секретной базе в Сибири, и эти дети запросто могут убить любого силой мысли. Байка о том, что площадки в горах Перу – это космодром инопланетян. Что ЦРУ вывело вирус СПИДа, чтобы покончить с гомосексуалистами. Что Никола Тесла¹² открыл невероятный источник энергии, но его дневники потерялись. Что в Стамбуле есть рисунки десятого века, которые изображают Землю из космоса. Что Стэнфордский исследовательский институт нашел парня, тело которого светится в темноте. Улавливаете мысль?

– Вы имеете в виду, что динозавры «ИнГена» – такой же миф.

– Естественно. Как иначе? Или вы считаете, что их можно генетически сконструировать?

– Все специалисты сказали, что нет.

– Они правы, – согласился Малкольм, повернувшись к Хардинг, словно ища поддержки.

Она молча отхлебнула пиво.

На самом деле Сара знала чуть больше, чем простые слухи и домыслы о динозаврах. Однажды после операции Малкольм бредил от переизбытка обезболивающих препаратов. Казалось, его мучает дикий страх, он корчился на постели, повторяя названия различных динозавров. Хардинг позвала медсестру, и та заверила, что такое с доктором Малкольмом бывает после каждой операции. Медики посчитали, что это галлюцинации, побочный эффект анестезии. Но Саре показалось, что Малкольм заново переживает какие-то кошмары, происходившие с ним наяву. Это ощущение усиливалось из-за того, что Ян называл динозавров по-свойски, как-то привычно: рапторы, компи и трицеры. Особенно его корежило от рапторов.

Позже, когда он вернулся домой, Сара спросила о том бреде. Малкольм просто отмахнулся, сведя все к дурацкой шутке: «По крайней мере, я не бормотал имена других женщин». А потом обронил, словно невзначай, что ему мерещилось, будто он совсем ребенок и сидит в яйце динозавра. И добавил: как быстро болезнь заставляет человека опуститься до первобытного состояния! В целом он отнесся ко всему с необычайным равнодушием, словно это было совершеннейшим пустяком. Сара тогда ясно ощутила, что Ян ушел от ответа. Она не стала настаивать – в те дни она любила этого человека и относилась к нему крайне бережно.

Малкольм вопросительно глядел на Хардинг, словно приглашая оспорить его слова. Но Сара только вздернула брови и ответила таким же взглядом. У него наверняка есть свои резоны. Подождем, пока он их выскажет.

Левайн лег грудью на стол, потянувшись к Малкольму, и тихо спросил:

– Значит, история с «ИнГеном» – выдумка?

– От начала и до конца, – мрачно кивнул Малкольм.

Три года Малкольм гнал от себя воспоминания. И к настоящему моменту весьма преуспел, так что сам почти начал верить в то, что ничего особенного не случилось. На самом же деле он работал консультантом в «Интернациональных генетических технологиях» в Пало-Альто летом 1989 года и действительно ездил в Коста-Рику по поручению компании, причем его поездка закончилась весьма печально. После катастрофы все вовлеченные стороны постарались замять эту историю. Компания «ИнГен» стремилась уменьшить свою ответственность. Правительство Коста-Рики не хотело лишаться репутации настоящего туристического рая. Отдельным ученым пришлось дать подписку о неразглашении, за что позже они были вознаграждены щедрыми грантами, чтобы и впредь держали язык за зубами. Что же до Малкольма, то компания безропотно оплатила все больничные счета за двухгодичный курс лечения.

¹² Никола Тесла (1856–1943) – изобретатель в области электроники и радиотехники, инженер, физик. Широко известен благодаря своему вкладу в создание электродвигателя и устройств, работающих на переменном токе.

Тем временем все разработки «ИнГена» в Коста-Рике были уничтожены. На острове не осталось ни единой живой твари. Компания наняла знаменитого стэнфордского профессора Джорджа Бейзелтона – биолога и писателя, который часто выступал на телевидении и завоевал прочную популярность как в ученом мире, так и у обывателей. Бейзелтон присягнул, что побывал на острове, и теперь неустанно опровергает досужие домыслы касательно ископаемых животных, которые якобы там живут. Его презрительное: «Саблезубые тигры, как же!» – оказалось эффективным оружием против слухов.

Время шло, история с островом начала забываться. «ИнГен» к тому времени обанкротился, основные инвесторы из Европы и Азии забрали свои вклады. Хотя все недвижимое имущество компании пошло с молотка, от продажи самой технологии инвесторы отказались. Вскоре «ИнГен» окончательно сошел со сцены.

И говорить было больше не о чем.

– Значит, это неправда, – подытожил Левайн, вгрызаясь в бутерброд. – Если честно, доктор Малкольм, мне даже легчало.

– Почему? – спросил Малкольм.

– Потому что останки, которые продолжают находить в Коста-Рике, наверняка настоящие. Настоящего динозавра. Мой друг из Йеля сейчас там, и он сказал, что видел их своими глазами. А я ему верю.

Малкольм пожал плечами:

– Вряд ли в Коста-Рике обнаружится еще какое-нибудь необычное животное.

– Да, за последний год больше ничего найти не удалось. Но если удастся, я немедленно туда отправлюсь. А пока буду снаряжать экспедицию. Я давно уже продумываю все, что для этого необходимо. Где-то через год будет готов специальный транспорт. Я уже переговорил с Доком Торном. Потом я сколочу команду, куда, возможно, войдет и доктор Хардинг, или другой настолько же подкованный натуралист, плюс несколько одаренных студентов...

Малкольм слушал, покачивая головой.

– Вы думаете, что я попросту трачу время, – не спросил, а скорее заключил Левайн.

– Да.

– Но представьте... только представьте... что необычные животные снова появятся в тех местах!

– Быть такого не может.

– А если может? – стоял на своем Левайн. – Разве вы не заинтересуетесь? И не поможете мне подготовить экспедицию?

Малкольм доел и отодвинул тарелку. Посмотрел на Левайна.

– Да, – наконец признал он. – Если эти твари снова появятся, я приду вам на помощь.

– Отлично! – возликовал Левайн. – Вот все, что я хотел услышать.

Когда они вышли под яркое солнце улицы Гваделупы, Малкольм и Сара направились к потрепанному седану Яна. Левайн запрыгнул в ярко-красный «Феррари», помахал рукой и рванул с места.

– Думаешь, такое может быть? – спросила Сара Хардинг. – Ну, что эти... животные снова появятся?

– Нет. Это исключено.

– Все обстоит именно так или ты просто надеешься?

Малкольм пожал плечами и забрался на водительское сиденье, осторожно протиснув раненую ногу под рулевое колесо. Хардинг села рядом. Он глянул на нее и повернул ключ в зажигании. Машина двинулась обратно к институту.

На следующий день Сара улетела в Африку. В течение следующих одиннадцати месяцев Левайн постоянно давал о себе знать, время от времени засыпая ее вопросами о лучших видеокамерах, об особенностях транспорта или надежных усыпляющих препаратах для крупных диких животных. Иногда ей звонил Док Торн, который строил машины. Обычно он взволнованно кричал в трубку.

От Малкольма долго ничего не было слышно, правда, на день рождения он таки прислал ей открытку. Поздравление опоздало на месяц. На обратной стороне открытки было нацарапано: «С днем рождения. Радуйся, что ты не со мной. Он меня с ума сведет».

Первая конфигурация

В консервативных районах, далеко от грани хаоса, индивидуальные элементы объединяются очень медленно и не могут служить образцом.
Ян Малкольм

Формы, отклонившиеся от нормы

Солнце стояло в зените. Вертолет летел низко над побережьем, держась черты, за которой буйные джунгли переходили в берег моря. Последние рыбацкие деревушки промелькнули внизу десять минут назад. Теперь под стрекочущей машиной раскинулись непроходимые джунгли Коста-Рики, мангровые болота и бесконечные мили горячих песков. Марти Гутиерес сидел позади пилота и наблюдал в окно, как проносится лента береговой линии. В этом районе даже не было дорог, по крайней мере Марти не видел ни одной.

Гутиерес был спокойным бородатым американцем тридцати шести лет от роду, биологом. Он прожил в Коста-Рике последние восемь лет. Сперва он приехал сюда изучать разнообразность туканов, которые водятся в тропических лесах, но остался на должности консультанта при Reserva Biologica de Carara, национальном парке на севере страны. Он шелкнул переговорником и спросил у пилота:

- Долго еще?
- Минут пять, сеньор Гутиерес.
- Марти повернулся и сообщил:
- Уже недолго осталось.

Но высокий мужчина, ссутулившийся на заднем сиденье вертолета, не ответил и даже не подал знак, что услышал замечание Гутиереса. Он сидел, подперев рукой подбородок, и хмурился, глядя в окно.

Ричард Левайн был одет в выгоревший на солнце рабочий костюм цвета хаки. Австралийскую шляпу с поникшими полями он сдвинул на лоб. На шее ученого болтался изрядно потертый полевой бинокль. Невзирая на затрапезное одеяние, Левайн был сосредоточен, как примерный школьник на уроке. Проницательные глаза за очками в стальной оправе внимательно и недоверчиво разглядывали пейзаж за окном.

- Что это за место?
- Рохас.
- Значит, мы залетели далеко на юг?
- Да. До границы с Панамой всего пятьдесят миль.
- Что-то дорог не видать, – сказал Левайн, не отводя глаз от окна. – Как же ее нашли?
- Двое туристов, – ответил Гутиерес. – Приплыли на лодке и поставили палатку на берегу.
- Когда?
- Вчера. Только глянули на нее и сразу дали деру.

Левайн кивнул. Он сидел, подогнув длинные ноги и положив подбородок на сплетенные пальцы, так что походил на богомола. Собственно, в начальной школе его так и дразнили – отчасти из-за внешности, отчасти потому, что Левайн был готов откусить голову всякому, кто не соглашался с его мнением.

- Ты уже бывал в Коста-Рике? – спросил Гутиерес.

– Нет, это первый раз, – ответил Левайн и раздраженно махнул рукой, словно досадуя, что его отвлекают по таким пустячным вопросам.

Гутиерес усмехнулся. За все эти годы Левайн не изменился ни на йоту. Он по-прежнему оставался блестящим ученым с невыносимым характером. Они вдвоем были в числе лучших студентов Йеля, пока Левайн не наплевал на аспирантуру и полевую работу. Он заявил, что его совершенно не волнуют сравнительные исследования, которые всегда нравились Гутиересу. И язвительно окрестил его работу как «собираание попугайского дерьма по всему миру».

А все потому, что Левайн – нетерпимый и талантливый парень – с головой погрузился в прошлое, в мир, которого больше не было. Он прославился фотографической памятью, самонадеянностью, острым языком и неприличным удовольствием, с которым любил указывать

коллегам на их ошибки. Как заметил один из них, «Левайн никогда не забывает твои просчеты – и не дает забыть о них никому».

Прикладные исследователи терпеть не могли Левайна, и он платил им той же монетой. В глубине души он был страшно пунктуальным и дотошным, обожал сидеть в музеях, часами просматривая коллекции, проверяя особенности всех видов и восстанавливая скелеты ископаемых. Левайн ненавидел пыль, грязь и неудобства полевых работ. Будь его воля, он вовек не вылезал бы из музеев. Но так уж распорядилась судьба, что ему выпало жить в эпоху величайших открытий в палеонтологии. Количество известных видов динозавров было взято под сомнение, и примерно раз в месяц их ряды пополнялись новыми названиями. Потому слава и репутация Левайна заставили его путешествовать по всему миру. Он исследовал последние находки и выносил профессиональные суждения, обескураживая исследователей, которые рискнули вызвать к себе знаменитого эксперта.

– Откуда ты на этот раз? – поинтересовался Гутиерес.

– Из Монголии. Я был в Пылающих горах, в пустыне Гоби, три часа езды от Улан-Батора.

– Да? И что там?

– Джон Рокстон вел раскопки. Нашел фрагменты скелета и решил, что это новый вид велоцираптора. Пригласил меня посмотреть.

– И?

Левайн пожал плечами:

– Рокстон никогда не разбирался в анатомии. Он энтузиаст-любитель, но, если что-то и раскопает, мозгов оценить свою находку у него не хватит.

– Ты так ему и сказал?

– А что? Это же правда.

– А скелет?

– Это вообще не раптор, – фыркнул Левайн. – Плюсны неправильные, лобковая кость заходит в брюшину слишком глубоко, скелет слишком легкий. Вот такие дела. Не знаю, куда смотрел Рокстон. Скорее всего, он откопал подвид троодона, хотя я не стал бы утверждать это наверняка.

– Троодона? – переспросил Гутиерес.

– Небольшое плотоядное животное мелового периода, метра два в высоту. Вообще-то это обычный теропод¹³. И ничего интересного Рокстон там не нашел. Разве что одна забавная штука. Там были остатки кожного покрова, его шкуры. Само по себе это не редкость. Больше десятка динозавров были найдены с довольно хорошо сохранившейся шкурой, в основном из гадрозавровых. Но эта – нечто особенное. Я сразу заметил, что эта шкура сильно отличается от остальных, ничего подобного мне раньше не встречалось...

– Сеньоры, – вмешался пилот, – впереди залив Хуана Фернандеса.

– Сперва сделай круг, – попросил Левайн.

Гутиерес выглянул в окно. Он снова напрягся, забыв о разговоре. Внизу, насколько хватало глаз, расстились джунгли. Вертолет облетел побережье кругом.

– Вот здесь, – молвил Гутиерес, показывая вниз.

Полуденное солнце озаряло пустынный полумесяц залива, весь в пенном прибое. Южнее, на песке, одиноко темнел странный предмет. С воздуха он казался скальным выступом или большой кучей песка. Это была бесформенная масса полутора метров в диаметре. Вокруг пестрело множество следов.

¹³ Тероподы (от греч. *звероногие*) – один из подотрядов динозавров. Передвигались на мощных задних конечностях, благодаря чему бегали быстрее и видели дальше динозавров, передвигающихся на четырех лапах. Большинство тероподов были хищниками.

- Кто здесь был? – вздохнул Левайн.
- С утра прилетали ребята из Департамента общественного здоровья.
- Они что-то делали? Ну, трогали, ворошили тушу?
- Не знаю, – признался Гутьерес.
- Департамент общественного здоровья, – повторил Левайн, качая головой. – Что они понимают? Ты и близко не должен был подпускать их, Марти.
- Эй, – обиделся Гутьерес. – Это же не моя собственная страна. Я и так из кожи вон вылез – они хотели уничтожить тушу, так я еле упросил дождаться твоего приезда. И все равно долго ждать они не будут.
- Тогда начнем, – сказал Левайн и щелкнул переговорником. – Долго мы еще собираемся кружить? Время-то идет. Спускайтесь. Я хочу рассмотреть эту штуку.

Ричард Левайн поспешил к темной туше, бинокль раскачивался и бил его по груди. Даже отсюда чувствовался запах разложения. И уже сейчас Левайн мог сделать предварительные выводы. Туша лежала, наполовину зарывшись в песок, вокруг носились тучи насекомых. Кожа твари раздулась от распирающих ее изнутри газов, что затрудняло идентификацию.

Ученый остановился метрах в пяти от существа и вытащил камеру. Тут же к нему подбежал пилот вертолета и ударил по рукам.

- No permitido!
- Что?
- Прошу прощения, сеньор. Снимать запрещено.
- Какого черта? – разозлился Левайн. Он повернулся к Марти, который тяжело трусил к ним по песку. – Почему нельзя снимать? Это ведь важно...
- Не снимать, – повторил пилот и вырвал камеру из рук Левайна.
- Марти, это же идиотизм!
- Иди и осмотри его, – сказал Гутьерес, а сам заговорил с пилотом на испанском. Тот резко и злобно ответил и замахал руками.

Левайн с минуту наблюдал, а потом отвернулся. «Ну и черт с ними, – подумал он. – Они могут препираться целую вечность». Он побежал дальше, хватая воздух ртом. По мере приближения к туше вонь становилась невыносимой. Хотя животное было большим, Левайн не заметил поблизости ни одной птицы, крысы или других пожирателей падали, только мух. Мухи плотно облепили тушу, четко обрисовывая ее контур.

Даже сейчас было видно, что это было крупное животное – размером с лошадь или корову, пока газы не расперли его еще больше. Сухая шкура треснула на солнце и повисла клочьями, обнажив желтый подкожный жир.

Фу, ну и вонища! Левайн поморщился. Он заставил себя подойти поближе, полностью сосредоточившись на животном.

Хотя оно и было с корову, но отнюдь не являлось млекопитающим. Шкура была голой, без единого волоска. Первичный цвет кожи был зеленым, с более темными полосками. Кожный покров бугристый, и эти бугорки располагались рядами, напоминая кожу ящерицы. Плотность была разной, в зависимости от местонахождения, самая тонкая – внизу живота. На шее, плечах и задних лапах отчетливо виднелись кожные складки, как у ящерицы.

Но тело было огромным. Левайн решил, что вес животного около ста килограммов, то есть примерно двести тридцать фунтов. Нигде в мире ящерицы не достигали таких размеров, кроме комодских драконов в Индонезии. *Varanus komodoensis* были плотоядными варанами в девять футов¹⁴ длиной, ели коз и свиней, а при случае баловали себя и человечинной. Но нигде в Новом Свете больше не водились вараны. Естественно, эта тварь была из класса *Iguanidae*.

¹⁴ Фут – единица измерения длины в английской системе мер. Современный фут равен 0,3048 метра.

Игуаны встречались по всей Южной Америке, и морские игуаны могли вырастать до крупных размеров. И все-таки не настолько крупных.

Левайн медленно обошел тушу, подбираясь к ее морде. «Нет, – решил он, – это не ящерица». Тварь лежала на правом боку, почти наполовину зарывшись в песок, – черед бугорков, отмечающих позвончик, выступала над песком всего на несколько сантиметров. Шея была подогнута, а голова спрятана под тушей, как утки прячут голову под крылом. Левайн увидел переднюю лапу, которая казалась маленькой и слабой. Задняя лапа была в песке. Левайн откопал бы ее и рассмотрел, но сперва ему хотелось снять всю тварь целиком, ничего не трогая.

И чем больше палеонтолог разглядывал тело, тем сильнее убеждался, что это должно быть запечатлено на пленке. Потому что одно было совершенно ясно – перед ним редкое, а может, и вовсе неизвестное науке животное. Левайн был одновременно взволнован и собран. Если это открытие настолько важно, насколько он предполагает, его тем более следует задокументировать.

Вдалеке Гутиерес ругался с пилотом, который упрямо вертел головой. «Вечно эти бюрократы банановых республик суются не в свое дело, – подумал Левайн. – Почему нельзя снимать? Кому это повредит? А как важно заснять изменения находки...»

Он услышал стрекот и увидел еще один вертолет, кружащийся над заливом. Его тень скользила по песку. Машина была ярко-белой, с какими-то красными буквами на борту. Поскольку он кружил со стороны солнца, Левайн не мог разглядеть, что там написано.

Он снова повернулся к туше и отметил, что задняя конечность намного больше и мускулистей передней. Вероятно, существо перемещалось на двух задних ногах. Конечно, многие ящерицы могли вставать на задние лапы, но не такие большие. На самом деле, чем внимательней Левайн приглядывался к туше, тем больше убеждался, что это не ящерица.

Он заторопился – время-то шло, а работы невпроворот. С каждым подобным образцом возникают два основных вопроса: что это за животное и почему оно сдохло?

Оглядывая бедро задней лапы, он заметил содранный эпидермис, вероятно, кожа лопнула под воздействием газов. Но, приглядевшись повнимательнее, Левайн обнаружил, что дело не в коже, а в ране, которая открыла красноватые мускулы и обнажила белую кость. Он перестал воспринимать запах и бледных личинок, которые копошились в ране, потому что понял...

– Извини, – сказал Гутиерес, подходя к другу. – Но пилот уперся рогом, и все.

Сам пилот обеспокоенно шел за Марти, не сводя глаз с пассажиров.

– Марти, – сказал Левайн, – мне действительно необходимо это заснять.

– Боюсь, что ничего не выйдет, – пожал плечами Гутиерес.

– Это очень важно, Марти.

– Прости, я старался.

Чуть поодаль сел второй вертолет, и из него посыпались люди в форме.

– Марти! Как ты думаешь, что это за животное?

– Ну, точно не скажу, – начал Гутиерес. – По общему виду я определил бы, что это неизвестный вид игуаны. Конечно, чрезвычайно крупный экземпляр, и, вероятно, он не относится к коренным обитателям Коста-Рики. Думаю, что это животное приплыло с Галапагос или с одного из...

– Нет, Марти, – перебил Левайн. – Это не игуана.

– Пока ты не сказал лишнего, – молвил Гутиерес, бросив взгляд на пилота, – должен заметить, что здесь находили несколько неизвестных разновидностей ящериц. Может, все дело в вырубке тропических лесов или еще в чем. Но стали появляться новые виды. Несколько лет назад я сам видел неопознанный вид...

– Марти, это никакая не ящерица!

– Быть не может, – возразил Гутиерес, подмигивая изо всех сил. – Естественно, ящерица.

– Нет!

– Тебя сбили с толку ее размеры, – предположил Гутиерес. – Собственно, в Коста-Рике встречаются отклонения от нормы...

– Марти, – холодно проронил Левайн, – меня ничто не может сбить с толку.

– Гм, я просто имел в виду...

– И я утверждаю, что это не ящерица.

– Прости, – покачал головой Гутиерес. – Не могу с этим согласиться.

Прибывшие люди сгрудились у вертолета и начали натягивать белые хирургические маски.

– Мне наплевать на твое согласие, – заметил Левайн и повернулся к туше. – Установить это просто, достаточно отрезать голову или одну из конечностей, например вот эту заднюю ногу, и...

Он запнулся и сделал шаг к туше, вглядываясь в бедро твари.

– Что там? – спросил Гутиерес.

– Дай мне нож.

– Зачем?

– Давай.

Гутиерес достал перочинный ножик и вложил рукоять в протянутую ладонь Левайна. Тот не отрываясь разглядывал животное.

– Думаю, что это тебя заинтересует.

– Что именно?

– Вдоль внутренней...

Неожиданно они услышали крики и, подняв головы, обнаружили спешащих к ним людей. Они тащили что-то на плечах и громко вопили по-испански.

– Что они говорят? – нахмурился Левайн.

– Кричат, чтобы мы отошли, – вздохнул Гутиерес.

– Скажи, что мы заняты, – ответил Левайн и снова присел возле тела.

Но прибывшие продолжали вопить, и внезапно раздался странный рев. Левайн увидел, что в руках у них появились огнеметы, выбрасывающие яркие языки огня. Ученый бросился наперерез пришельцам, крича: «Нет!»

Но те не обратили на него ни малейшего внимания.

– Это бесценный... – начал кричать Левайн.

Но первый же человек с огнеметом схватил Левайна за руку и грубо отшвырнул прочь.

– Что вы делаете, черт возьми? – заревел Левайн, вскакивая на ноги. Но было уже поздно. Первые языки пламени лизнули тушу, кожа зверя почернела, а скопившийся в теле метан грохнул и запылал синим огнем. В небо повалил густой едкий дым.

– Останови их! Останови! – Левайн бросился к Гутиересу. – Скажи, чтобы они прекратили!

Но его друг неподвижно стоял на месте, глядя на обугливающуюся тушу. Шкура зверя лопнула, во все стороны брызнул жир, потом показались черные плоские ребра. Вероятно, из-за сокращения мышц и складок кожи все туловище повернулось, выпростав длинную шею, охваченную огнем. И в этом пламени Левайн увидел длинную морду, ряд острых хищных зубов и черные провалы глазниц. На миг ему показалось, что это средневековый огнедышащий дракон, взмывающий в небо в дыму и пламени.

Сан-Хосе

Левайн сидел в кафе аэропорта Сан-Хосе, потягивая пиво и ожидая обратного рейса в Штаты. Гутиерес сидел рядом и в основном помалкивал. Неловкая пауза тянулась уже несколько минут. Гутиерес глянул на рюкзак Левайна, лежащий у ног хозяина. Удобная конструкция из темно-зеленой непромокающей ткани с множеством карманов для разной электронной аппаратуры.

– Классный рюкзак, – заметил Гутиерес. – Где ты его достал? Похоже на работу Торна.

Левайн глотнул пиво и кивнул:

– Так и есть.

– Здорово. – Марти продолжал разглядывать амуницию. – Что это в верхнем кармашке, спутниковый телефон? А здесь радиотелефон? Да, все схвачено. Удобная штука. Наверное, влетела тебе в...

– Марти, – сдавленно молвил Левайн, – заткнись. Ты собираешься мне объяснить или нет?

– Что объяснить?

– Я хочу знать, что тут происходит.

– Ричард, мне очень жаль, если ты...

– Нет, – оборвал его Левайн. – Там, на берегу, лежал очень ценный экземпляр, Марти, и его сожгли. Я не могу понять, как ты допустил такое.

Гутиерес вздохнул. Оглянувшись на туристов за другими столиками и тихо произнес:

– Только под большим секретом, ладно?

– Хорошо.

– У нас проблемы.

– Вижу.

– Здесь появляются, гм... формы, отклонившиеся от нормы... их находят на берегу очень часто. И так уже несколько лет.

– Отклонившиеся от нормы? – недоверчиво переспросил Левайн.

– Ну, это официальное название происходящего, – пояснил Гутиерес. – Никто в правительстве не хочет уточнять, что это значит на самом деле. Все началось пять лет назад. Эти особи были найдены в горах, неподалеку от фермы, на которой выращивали сою.

– Сою, – повторил Левайн.

Гутиерес кивнул.

– Вероятно, этих тварей привлекли бобы сои или другие растения. Выяснили, что им необходимы аминокислоты, например лизин¹⁵. Но никто ничего не знал наверняка. Может, им просто нравился вкус сои...

– Марти, мне плевать, что им нравилось, хоть пиво и креветки. Вопрос в другом: откуда взялись эти животные?

– Никто не знает, – ответил Гутиерес.

Левайн удержался от возражений.

– Что случилось с остальными?

– Их уничтожили. Насколько мне известно, несколько лет все было спокойно. И вот началось по новой. За последний год мы нашли четыре существа, включая и то, что ты сегодня видел.

¹⁵ Лизин – незаменимая аминокислота, входящая в состав практически любых белков, необходима для роста, восстановления тканей, производства антител, гормонов, ферментов. Лизин не может быть синтезирован в организме, поэтому должен поступать вместе с пищей.

– И что с ними сделали?

– Все... гм... ненормальные формы были сожжены. Да ты сам видел, как это происходит. С самого начала правительство приложило все силы, чтобы об этом никто не узнал. Несколько журналистов из Северной Америки начали говорить о том, что на острове Нублар творится что-то странное. Тогда Менендес пригласил группу журналистов прокатиться на этот остров, но их отвезли на другой. Никто не заметил подмены. Вот такие дела. Ну, правительство сильно озабочено секретностью.

– Почему?

– Они обеспокоены.

– Обеспокоены? Что же их беспокоит, хотел бы я знать...

Гутиерес поднял руку и пододвинулся поближе.

– Болезнь, Ричард.

– Болезнь?

– Да. Коста-Рика имеет одну из лучших в мире систем здравоохранения. Эпидемиологи обнаружили вспышку энцефалита по побережью.

– Энцефалит? И какой? Вирусный?

– Нет.

– Марти...

– Я же говорю тебе, Ричард, никто ничего не знает. Он не вирусный, потому что антитела не вырабатываются и концентрация белых клеток остается неизменной. И не бактериальный, поскольку такой культуры не существует в природе. Полная загадка. Эпидемиологи выяснили только то, что непонятная болезнь сразила фермеров, которые жили рядом с гнездовьем этих тварей. И это действительно энцефалит – сильные головные боли, потеря сознания, высокая температура, бред.

– Смертельные исходы?

– Болезнь сама сходит на нет через три недели. Но все равно правительство в панике. Сам знаешь, эта страна держится за счет туристов. Никто не желает поднимать вопрос о неизвестных болезнях.

– Значит, они считают, что энцефалит появился вместе с этими, гм... ненормальными формами?

Гутиерес пожал плечами:

– Ящерицы переносят множество вирусных инфекций. Вполне резонно, что эти твари и являются переносчиками.

– Но ты же сказал, что это не вирусный энцефалит.

– Какой бы ни был. Между ними и болезнью есть связь, это точно.

– Еще один повод узнать, откуда взялись эти существа. Наверняка уже искали...

– Искали? – рассмеялся Гутиерес. – Конечно, искали. Прочесали каждый квадратный сантиметр этой страны, и по многу раз. Были посланы десятки поисковых партий... некоторые возглавлял я сам. Проводили поиск с воздуха. Джунгли разбили на квадраты и облазили каждый из них. Облетели все острова, а эта та еще работенка, скажу я тебе. У западного побережья немало островов. Черт, обыскали даже те, которые считаются частными владениями...

– А что, такие есть? – спросил Левайн.

– Немного. Три или четыре. Вроде острова Нублар, он принадлежал американской фирме «ИнГен».

– Но ты сказал, что этот остров обыскали...

– Очень тщательно. Пусто.

– А остальные?

– Значит, так, – сказал Гутиерес и принялся загибать пальцы. – На востоке остров Таламанка; там расположился «Медклуб». Потом Сорна, на западе; владелец – немецкая горнодо-

бывающая фирма. На севере – Моразан, он принадлежит богатой коста-риканской семье. И еще один остров, название которого я забыл.

– И что нашли исследователи?

– Ничего. Полный ноль. И решили, что животные появляются откуда-то из глубины джунглей, поэтому их логово до сих пор не могут найти.

– В таком случае пустой номер, – хмыкнул Левайн.

– Знаю, – согласился Гутиерес. – Тропические леса – хорошее место для того, чтобы надежно спрятаться. Можно пройти в трех метрах от крупного животного и не заметить его. И даже последние разработки аппаратов для дальнего поиска не помогут, слишком много слоев придется преодолеть: облака, кроны деревьев, флору нижнего уровня. Ничего нельзя поделать – в джунглях может скрываться все, что угодно. Так что правительство взволновано. И не только оно.

– Ну? – вскинулся Левайн.

– Эти существа заинтересовали многих.

– Насколько заинтересовали? – намеренно небрежно осведомился Левайн.

– После последней неудачи правительство разрешило одной команде ботаников из Беркли провести воздушную разведку в центре джунглей. Они шарили там целый месяц, пока к ним не предъявили претензии – то ли счет за перерасход бензина, то ли еще что. Но бюрократы из Сан-Хосе накатали жалобу в Беркли. А там ответили, что знать ничего не знают ни о какой команде биологов. Пока суд да дело, липовые биологи успели смыться из страны.

– И вы так и не узнали, кто это был на самом деле?

– Дохлый номер. Прошлой зимой двое шведских геологов забрались на дальние острова, чтобы взять пробы газа. Сказали, что это входит в их практику – изучение вулканической активности Центральной Америки. А там много вулканически активных островов, некоторые до сих пор дымят, так что вроде все было в порядке. Но оказалось, что эти «геологи» работали на американскую компанию «Биосин» и искали на этих островах... э-э... больших животных.

– Но при чем здесь биотехническая фирма? – удивился Левайн. – Полная бессмыслица.

– Для тебя и меня, – возразил Гутиерес. – Но у «Биосина» репутация хуже некуда. Их шеф по исследованиям – Льюис Доджсон.

– А, помню, – кивнул Левайн. – Пару лет назад он провел вакцинацию против бешенства в Чили. Сделал прививки фермерам, даже не предупредив, чем их колет.

– Да. А еще он генетически вывел картофель и завалил им супермаркеты, но никому не сказал, что это гибрид. Дети слегли с диареей, двое умерли в больнице. Компании пришлось нанять Джорджа Бейзелтона, чтобы упрочить свое положение.

– Такое ощущение, что Бейзелтона нанимают все кому не лень.

Гутиерес передернул плечами:

– У него имя, с ним советуются университетские профессора. К тому же Бейзелтон – профессор биологии. Он почистил фирме перышки, помогая Доджсону выбраться из неприятностей с законом. На Доджсона работает куча людей по всему миру. В основном воруют новейшие разработки других фирм. Говорят, что «Биосин» – единственная генетическая компания, в которой адвокатов больше, чем ученых.

– И что они потеряли в Коста-Рике?

– Не знаю, – сказал Гутиерес, – но само отношение к исследованиям очень переменилось, Ричард. Я сразу это заметил. В Коста-Рике одна из самых богатых экологических систем в мире. Полмиллиона видов на двенадцати четко выделяемых ареалах обитания. Пять процентов всех видов животных, существующих на планете. Много лет эта страна была центром биологических исследований, но теперь все по-другому. Прежде сюда приезжали лишь фанатично преданные науке ученые, которые изучали природу ради нее самой – ради макак-ревунов, гигантских ос или тропических растений. А теперь запахло деньгами, и ученые сменили

вектор деятельности. Не то чтобы все они вдруг внезапно захотели разбогатеть. Но в сфере биологии любое открытие начало приобретать свою цену. Никто не знает, откуда берутся новые лекарства, поэтому фармакологические компании спонсируют любые виды исследований. Возможно, в птичьих яйцах содержится протеин, который отталкивает воду. Возможно, пауки производят пептид, который улучшает свертываемость крови. Возможно, из гладких листьев папоротника удастся извлечь универсальное обезболивающее. Такое случалось достаточно часто, чтобы подогреть интерес к исследованиям. Люди больше не изучают природу, они копаются в ней. Отсюда новый взгляд на вещи: все новое и неизвестное автоматически вызывает повышенный интерес, поскольку может оказаться ценным. Как тут не попытаться счастья?

Гутиерес допил пиво.

– Мир переворачивается вверх тормашками. И многие хотят выяснить, что это за отклонившиеся от нормы виды животных и откуда они берутся.

Объявили посадку на самолет Левайна. Они поднялись из-за стола.

– Ты никому не расскажешь? – спросил Гутиерес. – Ну, о том, что сегодня видел?

– Честно говоря, я понятия не имею, что я видел, – ответил Левайн. – Это могло быть все, что угодно.

– Счастливого полета, Ричард, – усмехнулся Гутиерес.

– Пока, Марти.

Отъезд

Левайн шел к турникету, при каждом шаге рюкзак бил его по спине. Ричард обернулся, чтобы помахать другу рукой на прощание, но Гуттиерес уже вышел из здания аэропорта и поймал такси. Левайн пожал плечами и двинулся своим путем.

Прямо перед ним находился таможенный контроль, пассажиры выстроились в очередь для получения штампа в паспорт. У Левайна был билет на ночной рейс до Сан-Франциско с долгой задержкой в Мехико. Очередь была не длинной, и Левайн решил, что еще успеет позвонить в собственный офис и сообщить Линде, своей секретарше, что он уже вылетает. Не мешало бы позвонить и Малкольму, подумалось ему. Оглядевшись, ученый увидел на стене справа ряд телефонов-автоматов, над которыми висела табличка: «Telefonos international». Правда, аппаратов было немного, и все они были заняты. Левайн решил, что лучше воспользоваться своим телефоном спутниковой связи, сбросил рюкзак с плеча и...

И замер, нахмурившись.

Пригляделся повнимательней.

По международным телефонам разговаривали четыре человека. Первой была блондинка в шортах и коротенькой маечке. Она болтала и покачивала на руках загорелого до черноты ребенка. Рядом стоял бородатый мужчина в куртке в стиле сафари и время от времени поглядывал на золотые часы «Ролекс». И седовласая бабулька, говорившая на испанском, а сбоку стояли двое ее взрослых сыновей и горячо кивали в такт.

Последним был пилот вертолета. Он сменил форменный пиджак на рубашку с короткими рукавами и галстук. Пилот стоял, отвернувшись к стене и ссутулив плечи.

Левайн подобрался поближе и услышал, что пилот говорит по-английски. Ученый поставил рюкзак на пол и сделал вид, что подтягивает лямки, а сам наострил уши. Пилот так и не повернулся.

– Нет-нет, профессор, – говорил он. – Так не пойдет. Нет. – Пауза. – Нет, говорю вам. Простите, профессор Бейзелтон, но это неизвестно. Остров, но который?.. Нужно еще подождать. Нет, он улетает сегодня ночью. Нет, ничего он не узнал и не снял. Нет. Я понимаю. Adios.

Левайн низко наклонился, когда пилот бросил трубку и быстро зашагал в противоположный конец здания.

«Что за черт», – подумал он.

«Остров, но который...»

Откуда они узнали, что дело в острове? Левайн сам не был до конца уверен. А он не разгибая спины работал над разрозненными данными день и ночь! Откуда здесь взялись динозавры? Почему?

Он отошел в угол, подальше от чужих глаз, и достал трубку своего телефона. Быстро набрал номер в Сан-Франциско.

Пошел вызов, чуть щелкнув, когда сигнал проходил через спутник. Гудок. Потом раздался электронный голос: «Пожалуйста, введите код».

Левайн набрал шестизначное число.

Еще один гудок. Голос снова произнес: «Оставьте сообщение».

– Я звоню, – начал Левайн, – чтобы сообщить о результатах поездки. Единичный экземпляр, в плохой форме. Местонахождение: ВВ-17 на вашей карте. Далеко на юге, что соответствует вашей гипотезе. Я не успел четко идентифицировать образец, его сожгли. Но, по-моему, это был орнитолест. Как вам известно, это животное в списке не значилось – крайне ценная находка.

Он огляделся, но рядом никого не было, никто не обращал на него внимания.

– Более того, внутренняя поверхность бедра разорвана. Об этом стоит поразмыслить. – Он сделал паузу, раздумывая, стоит ли продолжать. – Я высылаю пробу ткани, нужно ее тщательно исследовать. Еще я считаю, что в дело замешан кто-то еще. В любом случае это нечто новое, Ян. Целый год здесь ничего не находили, а теперь они снова появились. Что-то происходит. А мы ничего не понимаем.

Или понимаем? Он выключил телефон и засунул его во внешний кармашек рюкзака. «А вдруг, – подумалось ему, – мы знаем больше, чем можем предположить?» Левайн посмотрел на турникет. Нужно было спешить на самолет.

Пало-Альто

В два часа пополудни Эд Джеймс зарулил на полупустую стоянку на Картер-роуд. Рядом со входом в ресторан уже красовался черный «БМВ». В окне он заметил за столиком Доджсона, на его широком лице застыло недовольство. Доджсон постоянно пребывал в дурном расположении духа. В данную минуту он разговаривал с плотным мужчиной, сидящим напротив, и поглядывал на часы. Плотный мужчина был Бейзелтоном. Профессора частенько показывали по телевизору. Джеймс всегда чувствовал облегчение, когда появлялся Бейзелтон. Доджсон ходил перед ним на цыпочках, но трудно было представить, чтобы профессор принимал участие в каких-нибудь теневых операциях.

Джеймс заглушил мотор и наклонил зеркальце заднего обзора, чтобы поправить воротничок и галстук. Зеркало отразило встрепанного, усталого человека с двухдневной щетиной на щеках. «Черт, еще бы не выглядеть как мокрая курица, – подумал он. – Середина ночи!»

Доджсон всегда назначал встречи глухой ночью, и всегда в этом проклятом ресторане Марии Коллендер! Джеймс все никак не мог понять почему – кофе здесь подавали просто отвратительный. Но, с другой стороны, он много чего не понимал.

Эд взял приготовленный конверт и вышел из машины, хлопнув дверцей. Направился к двери, качая головой. Уже несколько недель Доджсон платил ему пятьсот долларов в день за то, что он следил за каждым шагом определенных ученых. Сперва Джеймс считал это своего рода промышленным шпионажем. Но ни один из этих ученых не работал в промышленности. Все они были кабинетными червями, притом в скучнейших отраслях науки. Как та палеоботаник Саттлер, которая занималась доисторическими злаками. Джеймс посидел на одной из ее лекций в Беркли и едва не заснул. Ученая ставила слайды с маленькими бледными сферами, похожими на хлопковые шарики, а сама все бубнила о полисахаридах и рубеже каких-то периодов. Господи, ну и скучища!

Естественно, пятьсот долларов в день – деньги на ветер. Он вошел в здание, моргая от яркого света, и приблизился к столику. Сел, кивнул Доджсону и Бейзелтону и уже поднял руку, чтобы позвать официантку. Ему хотелось кофе.

– Время поджигает, – мрачно глянул на него Доджсон. – Начнем.

– Ладно, – согласился Эд и опустил руку. – Тоже неплохо.

Он открыл конверт, начал вынимать оттуда листы бумаги и снимки, передвигая их через стол Доджсону.

– Алан Грант, палеонтолог из штата Монтана. Сейчас в Париже, читает лекции о последних находках динозавров. Он выдвинул новую гипотезу о том, что тираннозавры были плотоядными и...

– Неважно, – оборвал его Доджсон. – Дальше.

– Эллиен Саттлер-Рейнмен, – провозгласил Джеймс, передвинув фото. – Ботаник, раньше путалась с Грантом. Теперь замужем за одним физиком из Беркли. Маленькие сын и дочь. У нее неполная занятость, читает лекции в университете. В остальное время сидит дома, потому что...

– Дальше, дальше.

– Ладно. В целом остальные уже отпали. Дональд Дженнаро, адвокат... умер от дизентерии во время деловой поездки. Деннис Недри, «Объединенные компьютерные системы»... тоже скончался. Джон Хаммонд, который основал «Интернациональные генетические технологии»... погиб во время инспекции владений компании в Коста-Рике. С ним были внук и внучка, сейчас дети живут у матери, на востоке, и...

– Кто-нибудь был у них? Из «ИнГена»?

– Никто. Мальчик пошел в колледж, девочка оканчивает начальную школу. После смерти Хаммонда компания «ИнГен» прекратила свое существование. Дело было передано в суд. Недвижимость пошла с молотка. Две недели назад, если быть точными.

– Была ли выставлена на продажу зона «Б»? – впервые подал голос Бейзелтон.

– Зона «Б»? – недоуменно захлопал ресницами Джеймс.

– Да. Кто-нибудь говорил о зоне «Б»?

– Нет. В первый раз слышу. А что это?

– Если услышите, дайте мне знать, – сказал Бейзелтон.

Доджсон небрежно полистал отчеты и фотографии и нетерпеливо отодвинул. Поднял глаза на Эда:

– Что еще вы раскопали?

– Все, доктор Доджсон.

– Как все? А Малкольм? И этот Левайн? Они до сих пор дружат?

Джеймс заглянул в заметки:

– Не уверен.

Бейзелтон нахмурился:

– Не уверены? Что это значит?

– Малкольм встретил Левайна в институте Санта-Фе, – начал Джеймс. – Пару лет назад. Но Малкольм редко бывает в институте. Он наезжает в отделение биологии в Беркли с лекциями о математических моделях эволюции. Похоже, он утратил связь с Левайном.

– Они поссорились?

– Возможно. Мне сказали, что он возражал против экспедиции Левайна.

– Какой еще экспедиции? – пододвинулся поближе Доджсон.

– Уже год Левайн планирует снарядить экспедицию. Заказал специальный транспорт в компании «Мобильные полевые системы». Это небольшая фирма в Вудсайде, которую возглавляет некий Джек Торн. Он оснащает джипы и вездеходы для исследовательских групп. Ученые в Африке, Сычуане и Чили буквально молятся на него.

– Малкольм знает об этой экспедиции?

– Должен. Он наезжает к Торну время от времени. Где-то раз в месяц. Ну а Левайн бывает там каждый день. Там его и усадили за решетку.

– За решетку? – удивился Бейзелтон.

– Ага. – Джеймс сверился с записями. – Так. Десятого февраля Левайна арестовали за превышение скорости. Он выжал сто двадцать в районе, где предел был пятьдесят миль в час. Собственно, перед вудсайдским колледжем. Судья арестовал его «Феррари», забрал права и припаял общественное поручение. Приказал курить класс в этой школе.

Бейзелтон ухмыльнулся:

– Ричард Левайн учит подростков. Вот это картина!

– Он старался. Естественно, просиживая свободное время у Торна. Пока не уехал из страны.

– Когда он уезжал? – поинтересовался Доджсон.

– Два дня назад. Улетел в Коста-Рику. Короткий визит, собирался вернуться сегодня утром.

– И где он сейчас?

– Не знаю. И боюсь, что это будет трудно установить.

– Почему?

Джеймс кашлянул:

– Потому что он был в списке пассажиров, вылетающих из Коста-Рики... но когда самолет приземлился, его там не оказалось. Мой местный помощник сказал, что Левайн сдал перед

полетом ключи от номера отеля в Сан-Хосе и обратно не возвращался. Другим рейсом тоже не вылетал. И в данную минуту боюсь, что Ричард Левайн исчез.

Наступило молчание. Доджсон откинулся на спинку стула и что-то прошипел сквозь зубы. Поглядел на Бейзелтона, который качал головой. Доджсон осторожно сложил все бумаги в стопочку и засунул обратно в конверт. Протянул конверт Джеймсу.

– А теперь слушай, сукин ты сын, – сказал Доджсон. – Я хочу от тебя всего одну вещь. Очень простую. Слушаешь?

– Слушаю, – сглотнул Джеймс.

Доджсон перегнулся через стол:

– Найди его!

Беркли

Ян Малкольм сидел в своем заваленном бумагами кабинете. Он поднял голову – в комнату входила Синди Беверли, его ассистентка. За ней шагал человек из срочной доставки с небольшим ящичком под мышкой.

– Простите за беспокойство, доктор Малкольм, вы должны расписаться... Это тот образец из Коста-Рики.

Ян поднялся и обошел стол. Без трости. Уже несколько недель он упорно тренировался ходить без поддержки. Иногда в ноге вспыхивала боль, но он не отступал, и вскоре наметился прогресс. Даже его лечащий врач, улыбаясь Синди, одобрительно отозвалась о его успехах.

– Ух, доктор Малкольм, после стольких лет, и вдруг вы решились. Что же вас подвигло?

– Нельзя же все время надеяться на трость, – ответил ученый.

Но дело было в другом. Восстав против неуместного энтузиазма Левайна, его грез о затерянном мире, потока его телефонных звонков днем и ночью, Малкольм волей-неволей начал пересматривать свои позиции. И принял-таки, что, может быть – даже наверняка, – вымершие животные до сих пор преспокойно живут в каком-нибудь забытом, отдаленном уголке земного шара. У Малкольма были свои причины для подобной уверенности, о чем он лишь однажды намекнул Левайну.

Именно вероятность существования другого острова с ископаемыми животными заставила его твердо встать на ноги. Он собирался когда-нибудь побывать на этом острове. И день за днем тренировал больную ногу.

Они с Ричардом сузили круг поисков до череды островков вдоль побережья Коста-Рики. Левайн, как обычно, предвкушал и радовался, но Малкольм пока считал эту возможность гипотетической.

Он давил в себе надежду на успех, пока не появятся твердые доказательства – фотографии или настоящие образцы тканей, которые вострубят о существовании живых ископаемых. А пока ничего подобного Малкольм не видел. Он даже не мог понять, что чувствует по этому поводу – разочарование или облегчение.

Но образцы Левайна все-таки прибыли.

Малкольм взял накладную из рук почтальона и быстро расписался под заголовком: «Доставка образцов ткани. Биологические исследования».

– Вы должны подчеркнуть нужное, сэр, – заметил почтальон.

Малкольм просмотрел список вопросов, следующих ниже с двумя альтернативами – «да» и «нет». Живой экземпляр? Культура бактерии, вируса или протозоа? Зарегистрированный ранее экземпляр? Инфицированный экземпляр? Выращенный на фабрике или на животном-носителе? Экземпляр растительных тканей, пророщенные семена или завязи? Насекомое или личинка? И так далее.

Малкольм всюду подчеркнул «нет».

– И на второй странице, сэр, – напомнил посыльный. Он оглядел кабинет, загроможденный кучами бумаг и завешанный картами, в которых торчали цветные флажки. – Вы проводите медицинские исследования?

Малкольм перевернул лист и поставил подпись на следующей странице.

– Нет.

– И еще одну, сэр.

Третий лист представлял собой собственно накладную, где с доставщика снималась дальнейшая ответственность. Малкольм расписался.

– До свидания, – сказал почтальон и вышел.

Малкольм тотчас же тяжело облокотился о стол и содрогнулся.

– Еще болит? – посочувствовала Синди. Она перенесла ящичек на стол, смахнув несколько бумаг, и принялась распаковывать его.

– Все нормально.

Ян поискал взглядом трость, которая спряталась у кресла, за столом. Потом сделал глубокий вдох и медленно подошел к столу.

Беверли сняла обертку. Показался маленький цилиндр из нержавеющей стали размером с ее кулак. Его крышка была запечатана воском с трехсторонним оттиском – символом биологических исследований. К цилиндру крепилась еще одна небольшая канистрочка, в которой находился жидкий азот.

Малкольм придвинул лампу.

– Поглядим, чем он увлекся на этот раз, – промолвил ученый.

Взломал печать и отвинтил крышку. Зашипело, и над контейнером поднялось легкое белое облачко – конденсация. Внутренность цилиндра была покрыта инеем.

Заглянув внутрь, Малкольм увидел пластиковый пакетик и лист бумаги. Он перевернул цилиндр и вывалил содержимое на стол. В пакетике находился окровавленный кусок зеленоватой плоти размером примерно пять на два сантиметра, на котором лепился крохотный зеленый ярлычок из пластика. Он поднес пакетик к свету, исследовал его через лупу и положил на стол. Поглядел на зеленую пупырчатую кожу.

«Возможно, – подумал Ян. – Возможно...»

– Беверли, позовите Элизабет Гелман, она в зверинце. Скажите, что я хочу, чтобы она взглянула на кое-что. И предупредите, что дело секретное.

Беверли кивнула и вышла из комнаты, к телефону. Оставшись один, Малкольм развернул записку, которая прибыла вместе с образцом. Это оказался желтый лист, вырванный из блокнота. Печатными буквами там стояло:

Я БЫЛ ПРАВ, А ВЫ – НЕТ.

Малкольм нахмурился. Сукин сын!

– Беверли? Когда позовете Элизабет, позвоните Ричарду Левайну в офис. Мне нужно немедленно с ним поговорить.

Затерянный мир

Ричард Левайн прижался лицом к теплому каменному склону и перевел дыхание. В пятистах футах внизу раскинулся бескрайний океан, его изумрудные волны с шумом пенились у подножия черных скал. Лодка, на которой Ричард приплыл, уже успела превратиться в тоненькую белую черточку на горизонте. Ей пришлось вернуться, ведь на этом негостеприимном острове не было ни одной безопасной бухты.

Итак, они остались одни.

Левайн набрал в грудь воздуха и поглядел на Диего, который примостился в двадцати футах ниже. Он тащил рюкзак со всем оборудованием, так как был сильным юношей. Диего уверенно улыбнулся и кивнул, запрокинув голову:

– Смелее, уже недалеко, сеньор!

– Надеюсь, – ответил Левайн.

Разглядывая в бинокль этот утес из лодки, он посчитал его вполне приемлемым местом для подъема. Но оказалось, что склон утеса почти вертикален, а непрочные уступы и крошащиеся камни только увеличивали опасность.

Левайн вытянул руки вверх, нащупал углубление. Прижался к скале. Из-под пальцев покатались камешки, и одна рука сорвалась. Он ухватился снова, подтянулся. Дыхание с хрипом вырывалось из груди – от усталости и страха.

– Всего двадцать метров осталось, сеньор, – подбодрил Диего. – Вы справитесь.

– Конечно, справлюсь, – пробормотал Левайн. – Учитывая альтернативу.

У самой вершины утеса ветер окреп, принялся насвистывать в уши и трепать одежду. Казалось, он вознамерился сбросить гостя со скалы. Задрав голову, Ричард увидел плотную стену зарослей на самом краю.

«Почти добрался, – подумал он. – Почти».

А потом, в последнем рывке, он перевалил за край и покатился в мягкие влажные папоротники. Не отдышавшись как следует, он оглянулся и увидел, как легко, играючи на вершину забирается Диего. Юноша сел на зеленую траву и улыбнулся. Левайн повернул голову и оглядел нависшие над головой тенистые лапы папоротников. Дыхание понемногу приходило в норму, ноги немилосердно болели.

Но плевать... он добрался! Наконец-то он здесь!

Вокруг царили джунгли, девственный лес, куда не ступала нога человека. Все полностью соответствовало снимкам со спутника. Левайну пришлось полагаться на фотографии, поскольку карты частных владений – таких, как это, – не существовало. Этот остров являлся настоящим затерянным миром, изолированным в Тихом океане.

Левайн прислушался к голосу ветра, шелесту пальмовых листьев, сбрасывающих ему в лицо капли влаги. А потом услышал другой, далекий звук, похожий на птичий вскрик, но более глубокий и мощный. Звук повторился снова.

За спиной затрещало – Диего зажег спичку, чтобы прикурить. Левайн быстро сел, оттолкнул руку парня и покачал головой.

Диего непонимающе нахмурился.

Левайн поднес палец к губам, призывая к тишине.

И показал в направлении птичьего крика.

Диего безразлично пожал плечами. На него этот крик не произвел никакого впечатления. И причин настораживаться он не видел.

«А все потому, что парню неизвестно, какие сюрпризы ожидают нас впереди», – подумал Левайн, расстегивая темно-зеленый рюкзак. Он принялся собирать пневматическое ружье.

Приладил ствол, загнал обойму, проверил подачу воздуха и протянул винтовку Диего. Тот взял ее, снова пожав плечами.

Тем временем Левайн достал пневматический пистолет в кобуре и приладил кобуру на пояс. Вынул пистолет, проверил – на предохранителе ли – и снова вложил в кобуру. Ричард поднялся на ноги и кивнул Диего. Юноша застегнул рюкзак и забросил его за спину.

Они вдвоем начали спускаться по заросшему склону холма, уходя все дальше от обрыва. Одежда сразу же промокла от росы. Со всех сторон их окружали густые джунгли, и вперед было видно лишь на пару метров. Гигантские листья папоротников в длину и ширину достигали размеров человеческого тела. Эти растения с толстыми, похожими на копья стеблями поднимались вверх на двадцать футов. А высоко над головой пышные кроны деревьев закрывали солнечный свет. Путешественники двигались в полумраке, их ноги тонули в рыхлой влажной почве.

Левайн часто останавливался и сверялся с наручным компасом. Они держали курс на запад, вниз по склону, к центру таинственного острова. Ученый знал, что этот остров – все, что осталось от древнего вулканического кратера, над которым сотни тысяч лет трудились ветер и дождь. Склоны бывшего кратера нисходили широкими террасами до самой центральной площадки. Но здесь, на вершине, скалы нагромождались друг на друга, поросшие непроходимым коварным лесом.

Левайна охватило чувство полного одиночества, отрезанности от всего света, словно он попал в дремучее прошлое, в давний доисторический мир. Его сердце замирало на каждом шагу, пока они спускались вниз по склону, перебирались через шумные ручьи и снова поднимались на пригорки. На вершине следующего холма лес поредел, и в лица им дохнул морской ветер. Отсюда открывался вид на противоположную сторону острова – череду темных скал, которая растянулась на много миль. А посреди колыхалось море крон – джунгли.

– Fantastico, – выдохнул Диего, шедший позади.

Левайн немедленно шикнул на него.

– Но, сеньор, – запротестовал юноша, махнув рукой на открывшийся пейзаж, – мы здесь одни!

Левайн раздосадованно покачал головой. Они все уже обсудили, пока плыли в лодке: шаг на остров – рот на замок! Никаких одеколонов, конфет и сигарет. Вся еда – в плотно завязанных пластиковых пакетах. Все оборудование упаковано со всевозможнейшими предосторожностями. Ни одного лишнего звука, никакого, даже слабого, запаха. Он столько раз предупреждал Диего!

Оказалось, что все эти предупреждения совершенно не дошли до юноши. Он ничего так и не понял. Левайн грозно зыркнул на Диего и снова потряс головой.

– Сеньор, – ухмыльнулся парень, – здесь же только птицы.

В эту минуту они слышали густой вибрирующий звук – рык невероятного, невиданного зверя, который бродил где-то внизу, в чаще. Тотчас же в ответ раздался похожий рев, откуда-то сбоку.

Диего выпучил глаза.

– Птицы? – язвительно прошептал Левайн одними губами.

Диего молчал, стиснув губы и неотрывно глядя в джунгли.

Южнее начали покачиваться верхушки деревьев, словно часть леса внезапно ожила. Остальные деревья остались неподвижными – это был не ветер.

Диего быстро перекрестился.

Снова раздались дикие крики, длившиеся примерно минуту, потом на остров снизошла тишина.

Левайн начал спускаться с холма, направляясь к центру острова.

Он быстро шагнул вперед, высматривая змей в траве, когда сзади донесся тихий свист. Левайн обернулся. Диего показал рукой влево.

Юноша двинулся к югу. Ученый вернулся, продрался сквозь заросли и последовал за ним. Через минуту они вышли к двум параллельным колеям в грязи – почти заросшим побегам папоротника и травы, но еще различимым. Здесь когда-то проезжал джип старого образца. Естественно, по этим следам они скорее доберутся до цели своего путешествия.

Левайн кивнул, Диего сбросил рюкзак. Пришел черед Левайна тащить груз. Он подтянул лямки и закинул рюкзак за спину.

Не проронив ни слова, они пошли по дороге.

Кое-где следы джипа были едва заметны, и джунгли почти поглотили бывшую дорогу. Ясно, что ею не пользовались уже много лет, и лес был готов скрыть все следы пребывания человека.

Позади тихо чертыхнулся Диего. Левайн оглянулся. Юноша с отвращением тряс поднятой ногой – он умудрился вступить в россыпь зеленоватого помета. Левайн вернулся.

Диего тщательно вытер подошву листом папоротника. В помете оказались бесцветные клочки сена, смешанные с зеленью. Продукт жизнедеятельности какого-то животного был легким и крошащимся – слишком старым. Запаха не было.

Левайн внимательно исследовал окрестности и нашел более свежие следы. Каждый катышек помета был двенадцати сантиметров в диаметре. Определенно здесь прошло какое-то крупное травоядное.

Диего молчал, но глядел на все широко раскрытыми глазами.

Левайн качнул головой и двинулся дальше. Поскольку это были следы травоядного зверя, беспокоиться не стоило. По крайней мере, беспокоиться всерьез. И все равно его пальцы постоянно касались рукоятки пистолета, словно ища поддержки.

Они добрались до потока с илистыми берегами. Здесь Левайн остановился. Он заметил в грязи отпечатки трехпалых лап, некоторые были чрезвычайно велики. Приложив собственную ладонь к следу, ученый отметил, что лапа животного была крупнее его руки.

Когда он поднялся, то увидел, что Диего снова перекрестился. Не выпуская винтовки из другой руки.

Они помедлили у ручья, вслушиваясь в нежное журчание его струй. Неожиданно Левайн заприметил на дне потока что-то блестящее. Он нагнулся и достал стеклянную трубочку примерно с карандаш. Один конец был обломан, а на боку виднелась шкала. Ученый узнал остатки пипетки, обыкновенной пипетки, которыми пользуются во всех лабораториях мира. Левайн повертел ее в пальцах, посмотрел на свет. Старая. Значит, здесь...

Он повернулся и уловил краем глаза какое-то движение. Что-то коричневое, маленькое пронеслось вдоль бережка. Размером с крысу.

Диего вскрикнул от удивления. Но тварь уже исчезла в зарослях.

Левайн прошел вперед и склонился над илистым склоном. Там остались четкие следы небольшого животного. Отпечатки трехпалых лапок, похожих на птичьи следы. Рядом было полно подобных отпечатков, включая следы покрупнее, длиною в несколько сантиметров.

Однажды Левайну доводилось видеть такие следы в обмелевшем русле реки штата Колорадо, где обнажилось древнее морское дно и проглянули запечатленные в камне следы ископаемых динозавров. Но сейчас отпечатки были свежими. И оставили их живые особи.

Сидя на корточках, Левайн услышал слева тихое чириканье. Повернув голову, он заметил, что папоротники слегка качаются. И замер в ожидании.

Минуту спустя из-под листьев вынырнуло маленькое создание размером с мышь. У него была гладкая безволосая кожа, а на крохотной головке пучились большие глаза. Было оно

зеленовато-коричневого цвета. Тварь начала нетерпеливо чирикать в сторону Левайна, словно желая прогнать непрошеного гостя. Ученый не сдвинулся с места, забыв дышать.

Конечно, он опознал глазастенькое существо. Это был мусзавр, крохотный прозавропод позднего триасового периода. Его скелеты находили только в Южной Америке. Это один из самых маленьких динозавров, известных науке.

«Динозавр!» – подумал Левайн.

Хотя он предполагал, что обнаружит ископаемых на этом острове, но встреча с живым, настоящим динозавром заворожала ученого. Особенно с таким крохотулей. Он не мог отвести от животного взгляда. Экое чудо! После стольких лет, стольких пыльных скелетов – настоящий живой динозавр!

Малыш вышел на свет. Теперь Левайн обнаружил, что существо длиннее, чем показалось вначале. Десять сантиметров в длину, включая неожиданно толстый хвост. Оно и правда сильно смахивало на ящерицу. Зверушка присела на задние лапки. Грудная клетка животного быстро раздувалась в такт его дыханию. Оно замахало крохотными передними лапами на Левайна и снова зачирикало.

Медленно, очень медленно ученый протянул руку.

Создание опять чирикнуло, но и не подумало убежать. Кажется, оно заинтересовалось и склонило головку набок, когда рука Левайна приблизилась вплотную.

Его пальцы коснулись брюшка. Мусзавр стоял на месте, балансируя хвостом. Не выказывая ни капли страха, животное переступило на ладонь человека и встало на четыре лапки. Вес его едва ощущался, настолько зверушка была легкой. Динозаврик прошелся по ладони, обнюхивая пальцы. Очарованный Левайн улыбнулся.

Внезапно маленькая тварь встревоженно зашипела, порскнула с его ладони и нырнула в заросли. Левайн моргнул, не понимая, почему его покинули.

В ноздри ударил тяжелый резкий запах, и по другую сторону ручья раздался треск кустов. А затем там зарычали. Очень хрипло.

Левайн тотчас же вспомнил, что плотоядные хищники всегда охотятся возле водопоя, когда их жертвы теряют бдительность и склоняются к воде. Но вспомнил он об этом слишком поздно. Сзади страшно завизжал Диего. Когда Левайн обернулся, юношу уже утащили в заросли. Диего боролся – кусты ходили ходуном. Левайн мельком увидел огромную лапу, на среднем пальце которой торчал короткий изогнутый коготь. Потом лапа отступила. Кусты продолжали трястись.

Неожиданно весь лес огласился ужасающим ревом. На ученого бросилось крупное животное. Ричард Левайн повернулся и пустился наутек. Сердце бешено колотилось в груди. Он понятия не имел, куда бежать. Знал только, что это бесполезно. На спину навалилась тяжесть, заставив его упасть на колени в грязь. Он осознал, что вопреки всем планам и расчетам все пошло наперекосяк и сейчас он умрет.

Школа

– Если мы примем к рассмотрению теорию вымирания из-за падения метеорита, – сказал Ричард Левайн, – нам нужно решить несколько вопросов. Во-первых, есть ли на планете кратер больше девятнадцати миль в диаметре (минимальный размер метеорита, способного вызвать массовый падеж крупных животных во всем мире)? Во-вторых, соответствуют ли какие-либо кратеры по времени известным периодам вымирания? Оказалось, что таких кратеров несколько, и пять из них соответствуют периодам...

Келли Куртис зевала во весь рот, благо темнота в классе позволяла. Она подперла рукой подбородок и попыталась прогнать дремоту. Все это уже было ей известно. На телеэкране, установленном на передней парте, появилось изображение едва заметного выветрившегося полукруга. Она узнала кратер в Менсоне. Из темноты долетел голос доктора Левайна:

– Это кратер вблизи Менсона, штат Айова, появившийся около шестидесяти пяти миллионов лет назад, как раз когда начали вымирать динозавры. Но погубил ли динозавров именно этот метеорит?

«Не-а, – подумала Келли, зевая, – слишком маленький. Наверное, это был юкатанский».

– Мы считаем, что этот кратер слишком мал, – громко произнес доктор Левайн. – И вероятный претендент на роль истребителя ископаемых – метеорит, упавший возле Мерида, на Юкатане. Трудно поверить, но его падение опустошило весь Мексиканский залив, и на землю хлынули волны высотой две тысячи футов. Невероятное зрелище. Но и об этом кратере идут споры, касающиеся отложений на его краях и вымирания фитопланктона в ближних океанских водах. Это может показаться слишком сложным, но оставим пока этот вопрос. Мы вернемся к нему чуть позже. Итак, на сегодня все.

Зажегся свет. Училка, миссис Мензис, вышла на середину класса и выключила компьютер, который выводил изображение на экран. Лекция закончилась.

– Что ж, – начала она, – я рада, что доктор Левайн оставил нам эту записку. Он предупредил, что может опоздать на сегодняшний урок, но наверняка будет на следующей неделе, когда вы вернетесь после весенних каникул. Келли, вы с Арби работаете у доктора Левайна, так?

Келли глянула на хмурого Арби, который ссутулился за своей партой.

– Да, миссис Мензис, – ответила Келли.

– Хорошо. Запишите домашнее задание на каникулы. Вся седьмая глава... – Класс застонал. – Включая упражнения в конце первой и второй части. К следующему занятию выполните. Удачных каникул. Встретимся через неделю.

Зазвонил звонок. Класс встрепенулся, заскрипели стулья, и комната наполнилась гамом. Арби начал пробираться к Келли. Глядел он мрачно. Он был на голову ниже девочки – самый низкий в классе. И самый младший. Келли было тринадцать, как и всем семиклассникам, а ему – одиннадцать. Он проскочил через два класса, потому что был очень умным. Ходили сплетни, что его снова переведут в старший класс. Арби был настоящим гением, особенно по части компьютеров.

Мальчик сунул ручку в нагрудный карман белоснежной сорочки и поправил очки в роговой оправе. Р. Б. Бентон был чернокожим. Оба его родителя работали в Сан-Хосе врачами и тщательно следили, чтобы их ребенок всегда был одет с иголочки, как студент университета. И Келли не сомневалась, что через пару лет он им и станет, если не сойдет с дистанции.

Рядом с Арби Келли всегда чувствовала себя неловко и жутко стеснялась. Она донашивала старые платья сестры, которые их матушка привезла из Кмарта тысячу лет назад. Девочке приходилось носить даже старые кроссовки – такие затасканные и грязные, что их не брало никакое мыло. Даже стиральная машинка потерпела крах. Келли сама стирала и гладила свои

вещи, потому что мамы постоянно не было дома. Келли со вздохом оглядела отутюженные штаны Арби и его зеркальные ботинки.

Хотя она и завидовала мальчику, он был ее единственным настоящим другом – только он нормально относился к тому, что она отличница. Келли боялась, что друга переведут в девятый класс, и они никогда больше не увидятся.

Подойдя поближе, Арби хмуриться не перестал. Задрал голову, глянул ей в лицо и спросил:

– А почему нет доктора Левайна?

– Не знаю. Может, случилось что.

– Что?

– Не знаю. Что-нибудь.

– Но он обещал! Обещал, что будет, – возразил Арби. – И возьмет нас за город. Все уже готово. И разрешение мы выбили, и все остальное.

– Так что? Мы можем поехать в любое время.

– Он должен был прийти, – упрямо повторил Арби. Келли не ждала от него другого. Арби привык к тому, что взрослые – люди ответственные. Его родители всегда держали слово. Келли же подобные проблемы не волновали.

– Ничего страшного, Арб, – сказала девочка. – Давай поедem к доктору Торну сами.

– Думаешь?

– А то. Почему нет?

Арби заколебался:

– Мне надо сперва позвонить маме.

– Зачем? Она наверняка скажет, чтобы ты шел домой. Давай, Арб, возьмем и съездим вместе.

Он все еще не решался. Арби был смышленным мальчиком, но любое изменение планов всегда волновало его. Келли уже знала, что если давить на друга, то он начинает ворчать и спорить. Так что приходилось ждать, когда Арби примет самостоятельное решение.

– Ладно, – наконец согласился он. – Давай съездим к Торну.

– Встретимся у входа, – улыбнулась Келли. – Через пять минут.

Когда она спускалась на первый этаж, снизу долетел хор голосов:

– Келли – зануда, Келли – зануда...

Девочка подняла голову выше. Это была тупая Эллисон Стоун и ее подружки-идiotки. Они торчали в вестибюле и дразнились:

– Келли – зануда...

Она прошла мимо одноклассниц, не обращая на них внимания. Невдалеке стояла мисс Эндерс, дежурная, которая даже и бровью не повела. Хотя завуч, мистер Каноза, постоянно напоминал, что учеников нужно защищать от приставаний сверстников.

Позади хор надрывался:

– Келли – зануда... Сильно умная, по горшкам дежурная... Книжки ворует, дома не ночует...

И взрыв смеха.

Впереди она заметила Арби, который ждал у входной двери. Он держал пучок серых проводов. Келли поспешила к нему.

– Забудь, – бросил друг.

– Они просто дуры.

– Точно.

– Мне наплевать.

– Знаю. Забудь, и все.

Позади захихикали:

– Кел-ли и Ар-би... пошли погулять... вместе купались, потом целовались...

Они вышли на улицу, голоса девчонок милосердно потонули в шуме учащихся, спешащих по домам. На стоянке желтели школьные автобусы. Вдоль здания школы выстроились машины родителей. Все рассаживались в транспорт.

Арби наклонил голову, поглядывая через улицу.

– Он снова здесь.

– Не смотри на него, – напомнила Келли.

– Не буду, не буду.

– Помни, что говорил доктор Левайн.

– Да ну, Кел. Я помню.

По ту сторону дороги стоял простой серый седан, который успел примелькаться детям за последние два месяца. За рулем сидел уже знакомый мужчина с ключковатой бородой и делал вид, что читает газету. Этот бородач следил за доктором Левайном с тех пор, как тот начал вести уроки в Вудсайде. Келли считала, что именно из-за этого человека доктор Левайн попросил их с Арби быть его помощниками.

Левайн сказал, что они будут помогать ему переносить оборудование, ксерокопировать задания, собирать домашние работы и выполнять подобную рутинную работу. Они думали, что это большая честь – работать на доктора Левайна, по крайней мере, интересно помогать настоящему профессиональному ученому, потому и согласились.

Как бы не так! Оказалось, что его задания вовсе не связаны с уроками, с этим Левайн справлялся сам. Зато он часто посылал их с небольшими поручениями. И предупредил, чтобы они остерегались этого бородача в машине. Ничего сложного, бородач вовсе не замечал их – они же дети!

Доктор Левайн объяснил, что этот человек всегда следит за ним, потому что это как-то связано с арестом. Но Келли не поверила. Ее маму дважды арестовывали за вождение в пьяном виде, и никто никогда за ней не следил. Девочка, конечно, не знала, почему этот человек приглядывает за Левайном, но ведь ясно, что доктор ведет какие-то секретные исследования и не желает, чтобы о них кто-то пронюхал. Келли знала одно: доктор Левайн не особо заботится о классе, который ему поручили. Он часто читал лекции, подбирая слова прямо на ходу. Бывало, что он заявлялся в школу через парадный вход, ставил запись лекции и уходил через черный. Куда он ходил в эти дни – никто не знал.

Поручения, которые он давал своим юным помощникам, тоже были загадкой. Однажды они ездили в Стэнфорд и получили от одного профессора пять пластиковых квадратиков. Пластик был легонький, похожий на фольгу. В другой раз они пошли в магазин на краю города и забрали какое-то треугольное устройство. Человек за прилавком здорово нервничал, словно эта штука была нелегальной или еще что. Потом они передали Левайну какую-то металлическую трубку, в которой, похоже, были сигары. Дети не утерпели и открыли трубку и струхнули, когда обнаружили внутри четыре пластиковые ампулы с янтарной жидкостью. На ампулах было написано: «Осторожно! Токсично!» – и знаменитый интернациональный символ биологических исследований.

Но в целом их задания были скучными. Доктор часто посылал детей в Стэнфорд – копировать на ксероксе записи по разным предметам: японским мечам, рентгеновской кристаллографии, мексиканским мышам-вампирам, вулканам Центральной Америки, океанским течениям у Эль-Ниньо, брачным повадкам муфлонов, токсичности морских огурцов, контрфорсах готических соборов...

Доктор Левайн никогда не объяснял, почему он интересуется именно этими вопросами. Часто он посылал их туда каждый день, если считал, что собранного материала недостаточно.

А потом внезапно бросал очередной предмет и больше к нему не возвращался. И тогда они исследовали что-то другое.

Конечно, кое-что дети все равно установили. Многие вопросы имели отношение к транспорту, который строил доктор Торн для экспедиции Левайна. Но в целом этот список впечатлял своей непостижимостью.

Как-то Келли задумалась, что до всего этого бородачу в машине? Знает ли он что-то неизвестное им? Но бородач казался страшно ленивым. Едва ли он заметил, что Келли и Арби бегают по поручениям доктора Левайна.

Сейчас бородач смотрел на школьную дверь и не обращал на детей никакого внимания. Они дошли до конца улицы и сели на лавку, поджидая автобус.

Метка

Котенок снежного барса высосал всю бутылочку молока и перевернулся на спину, раскинув лапки. Мелодично заурчал.

– Хочет, чтобы его погладили, – сказала Элизабет Гелман.

Малкольм протянул руку и потрепал котенка по животику. Малыш тут же выгнулся и вонзил острые зубки в его пальцы. Малкольм вскрикнул.

– Бывает и такое, – кивнула Гелман. – Дорджи! Нехорошая девчонка! Разве так встречают нашего знаменитого гостя? – Она взяла руку Малкольма. – Кожу не прокусила. Но все равно нужно промыть.

Дело происходило в научно-исследовательской лаборатории при зоопарке Сан-Франциско. Было три часа пополудни. Элизабет Гелман должна была высказать свое мнение по поводу присланных образцов, но ей пришлось задержаться для кормления подопечных малышей. Малкольм поприсутствовал на обеде маленькой гориллы, которая отплевывалась, словно человеческий младенец. Потом наблюдал за кормлением коалы и котенка снежного барса.

– Прошу прощения, что так вышло, – сказала Гелман, отведя Яна к крану и обмыв ему руку. – Но мне показалось, что лучше бы тебе прийти сюда, пока все мои сотрудники на еженедельной конференции.

– Почему же?

– А потому, что ты передал нам очень интересные образцы, Ян. Очень интересные! – Она вытерла насухо его руку, потом внимательно осмотрела. – Ну, ничего страшного, жить будешь.

– И что с образцами?

– Сам знаешь, они очень неоднозначны. Кстати, их добыли в Коста-Рике?

– Почему ты спрашиваешь? – Малкольму пришлось приложить усилие, чтобы голос звучал ровно.

– Потому что ходят сплетни, что там появляются неизвестные животные. А это именно неизвестное науке животное, Ян.

Элизабет провела его в небольшую приемную. Малкольм рухнул в кресло и положил трость на стол. Гелман приглушила освещение и включила проектор.

– Ладно. Вот увеличенное изображение первичного материала, пока мы не приступили к исследованиям. Как видно, он состоит из фрагмента ткани животного, процесс омертвления наступил уже давно. Размеры ткани – четыре на шесть сантиметров. К ней прикреплена зеленая пластиковая бирка, квадратная, со стороной в два сантиметра. Образец ткани был отделен ножом, но не особо острым.

Малкольм кивнул:

– Ты что, Ян, отхватил его перочинным ножом?

– Что-то в этом роде.

– Хорошо. Сперва рассмотрим образец ткани. – Слайд сменился изображением под микроскопом. – Это увеличенный гистологический срез покровного эпидермиса. Вот эти пробелы с неровными рваными краями – места, где поверхность кожи подверглась посмертным некротическим изменениям. Но самое интересное здесь – это посторонние клеточные включения в эпидермис. Видишь, как много здесь хроматофоров, пигментных клеток? На разрезе хорошо заметно неравномерное распределение меланофоров и аллофоров. В целом рисунок эпидермиса напоминает таковой у лацерты или амблиринхуса.

– Это такие ящерицы? – поинтересовался Малкольм.

– Да. Сильно смахивает на ящерицу... хотя картина не совсем типичная.

Она увеличила изображение левой части снимка.

– Видишь вот эту клетку, с таким легким ободком? Мы решили, что это мышца. Хроматофоры могут произвольно открываться и закрываться. Значит, это животное может менять окраску, как хамелеон. А вон там, видишь большой овал со светлым центром? Это пора бедренной мускусной железы. В середине наличествует плотная субстанция, которую мы до сих пор анализируем. Но предварительное заключение – это самец, только у ящериц-самцов имеются бедренные железы.

– Ясно, – кивнул Малкольм.

Слайд снова сменился. Перед Яном возникло нечто, похожее на пористую губку.

– Рассмотрим поглубже. Это подкожные слои. Они нарушены из-за пузырьков газа, который выделился в результате разложения тканей. Но можно разглядеть сосуды – вот один, вон там второй, – окруженные гладкой мышечной тканью. Это не характерно для ящериц. Собственно, такого не увидишь ни у ящериц, ни у каких-либо иных рептилий.

– Другими словами, это похоже на теплокровных?

– Именно, – согласилась Гелман. – Ну, не млекопитающих, но птиц наверняка. Я бы сказала, что это был... гм,дохлый пеликан. Или что-то подобное.

– Угу.

– Только вот у пеликанов нет такой кожи.

– Понятно.

– Без перьев.

– Ага.

– Дальше, – продолжила Гелман. – Нам удалось извлечь толику крови из сосудов. Немного, но достаточно для анализа под микроскопом. Вот.

Слайд сменился. Появилось несколько клеток, в основном красных, и одна-единственная бесформенная белая клетка. Неприятное зрелище.

– Я не специалист, – проворчал Ян.

– Ничего страшного, я сейчас все проясню. Во-первых, красные клетки обладают ядром. Это характерно для птиц, а не млекопитающих. Во-вторых, необычный гемоглобин, отличающийся от гемоглобина остальных ящериц. В-третьих, расплывчатая структура белой клетки. У нас недостаточно материала, чтобы определить все точно, но есть подозрения, что это существо обладало необычайно высоким иммунитетом.

– И что? – пожал плечами Малкольм.

– Не знаю, из этого экземпляра много не вытянешь. Кстати, можно ли достать образец побольше?

– Если получится.

– Откуда, из зоны «Б»?

– Зоны «Б»? – удивленно приподнял брови Ян.

– Ну, так написано на ярлычке. – Гелман поменяла слайд. – Должна признаться, Ян, что это очень занимательная метка. Здесь, в зоопарке, мы постоянно метим животных, и нам известны все коммерческие метки и клейма, применяемые в мире. Но эту никто раньше не видел. Вот она, увеличенная в десять раз. На самом деле она не крупнее ногтя на большом пальце. Обычная пластиковая поверхность с одной стороны, а с другой – тефлоновое покрытие с зажимом из нержавеющей стали, который и крепился на коже животного. Зажим совсем маленький, такие цепляют на молодняк. Животное, которое ты видел, точно было взрослой особью?

– Видимо.

– Значит, метка находилась на звере с тех пор, как он был детенышем. Это подтверждает и износ материала. На поверхности можно разглядеть следы ржавчины. Невероятный случай. Это пластик с примесью дюрала, из него делают шлемы для американского футбола. Он очень прочный, просто износиться он не мог.

– А что тогда?

– Почти наверняка какая-то химическая реакция, кислотное воздействие. Возможно, в виде аэрозоля.

– Вроде вулканических газов? – спросил Малкольм.

– Может быть, особенно в свете следующего открытия. Ты увидишь, что метка довольно широкая, девять миллиметров. Она полая.

– Полая? – сдвинул брови Малкольм.

– Да. Там внутри полость. Нам не хотелось открывать ее, потому мы просветили ее рентгеном. Вот.

Следующий слайд. Внутри метки Малкольм увидел путаницу белых линий и колбочек.

– Внутри тоже ржавчина, видимо, там побывали кислотные пары. Но сомнений нет – это была радиометка, Ян. Следовательно, данный экземпляр – не простое животное. Эта теплокровная ящерица, или что-то вроде того, была выращена и помечена кем-то с самого рождения. Вот это-то и сбивает с толку. Кто-то вырастил это существо! Ты знаешь, кто и как?

– Понятия не имею, – пожал плечами Малкольм.

Элизабет Гелман вздохнула:

– Ты брехливый сукин сын.

Малкольм поднял руку:

– Могу я забрать свой образец?

– Ян! После всего, что я для тебя сделала...

– Образец!

– Ты должен все объяснить.

– Обязательно объясню. Недели через две. И приглашу на обед.

Элизабет швырнула на стол пакетик фольги. Ян взял пакет и сунул в карман.

– Спасибо, Лиз. – Он встал. – Страшно не хочется убегать, но нужно кое-куда позвонить.

Он двинулся к двери, когда Элизабет бросила:

– Кстати, как это существо умерло?

– А что такое? – остановился ученый.

– Когда мы разглядывали ткань под микроскопом, то под верхним слоем эпидермиса нашли несколько чужеродных клеток. Принадлежавших другому животному.

– И что это значит?

– Гм, вполне обычная картина, когда дерутся две ящерицы. Они толкают друг друга. И клетки проникают под эпидермис.

– Да. На туше были следы драки. Животное было ранено.

– А еще ты должен знать, что в его артериях обнаружили признаки хронического сужения сосудов. У этого животного был стресс, Ян. И не только из-за драки, в которой оно получило рану. Последствия этого сражения исчезли при посмертных изменениях. Я говорю о постоянном, хроническом стрессе. Не знаю, где жило это животное, но его окружение было опасным и угрожающим.

– Ясно.

– Так вот. Каким образом меченое животное ухитрилось попасть в стрессовые условия?

На выходе из зоопарка Малкольм проверил, не следят ли за ним, потом зашел в телефонную будку и позвонил Левайну. Того на месте не оказалось. «Естественно, – подумал Ян, – когда он нужен – его никогда нет. Наверное, опять пытается выкупить свой «Феррари» с полицейской штраф-стоянки».

Малкольм повесил трубку и направился к машине.

Торн

«Мобильные полевые системы Торна» – гласили черные буквы на большой металлической двери гаража, стоявшего в самом конце Индустриального парка. Слева находилась дверь поменьше, ею обычно и пользовались. Арби нажал на кнопку домофона.

– Пошли вон!

– Это мы, доктор Торн. Арби и Келли.

– А, хорошо.

Дверь со щелчком распахнулась, и дети вошли внутрь. И оказались в огромном ангаре. У многочисленных машин возились механики, воздух пропитался запахом ацетилена, машинного масла и свежей краски. Прямо перед собой Келли увидела темно-зеленый «Форд Эксплорер» с кабиной без верха. Двое рабочих, стоя на стремянках, устанавливали туда большую гладкую панель солнечных батарей. Капот «Форда» был приподнят, и шестицилиндровый двигатель изъят. Сейчас двое механиков как раз прилаживали на его место новый, меньший двигатель – он выглядел, словно округлая коробка из-под ботинок, тускло сияющая алюминиевым сплавом. Другие техники подтаскивали широкий, плоский аккумулятор, который предстояло закрепить над мотором.

Справа стояли два трейлера, над которыми команда Торна трудилась уже вторую неделю. Это были не простые трейлеры, на которых семьи выбирают на пикник. Первый был гигантской обтекаемой формы размером с автобус, переделанный для жилья и работы – включая всевозможное оборудование – на четверых человек. Он назывался «Челленджер», и была в нем одна особенность: во время стоянки вы могли раздвинуть его стены, открыв прямой доступ к внутреннему устройству.

«Челленджер» был соединен специальным гофрированным переходом со вторым, меньшим, трейлером. Ему предстояло тянуть за собой этот второй трейлер, в котором находилась передвижная лаборатория и новейшее исследовательское оборудование, хотя Келли понятия не имела, какое именно. Сейчас второй трейлер трудно было разглядеть из-за фонтана искр, которыми сыпал сварщик, устроившийся на его крыше. Невзирая на суету вокруг трейлера, он казался уже готовым к работе. Правда, Келли тут же заметила нескольких рабочих, копошавшихся внутри, а все сиденья и кресла пока были разложены вокруг машины.

Сам Торн стоял посреди ангара и изо всех сил кричал сварщику на крыше:

– Давай-давай, Эдди! Мы сегодня должны закончить!

Потом повернулся и заорал уже в другую сторону:

– Нет-нет-нет! Посмотри на чертеж! Генри, не ставь подпорку ровно! Здесь будут две крест-накрест. Посмотри на чертеж!

Доктор Торн был седым широкоплечим здоровяком пятидесяти пяти лет. Если бы не очки, он смотрелся бы как борец, вышедший в отставку. Келли едва свыклась с мыслью, что Торн – профессор в университете; он обладал невероятной силой и никогда не стоял на месте.

– Черт возьми, Генри! Генри! Генри, ты что, оглох?

Торн снова выругался и потряс кулаками. Потом повернулся к гостям.

– Предполагается, что эти ребята, – сказал он, – должны мне помогать.

«Челленджер» полыхнул яркой вспышкой, похожей на молнию. Двоих рабочих, склонившихся над его крышей, разметало в разные стороны, а над машиной поднялась черная туча густого дыма.

– Ну, что я говорил? Заземлите его! Заземлите, а потом лезьте там! Там же нехилое напряжение, остолопы! Вы что, хотите зажариться?

Он снова оглянулся на детей и покачал головой:

– Вот так-то, СУМ – серьезная защита.

– СУМ?

– Средство устрашения медведей, так его в шутку называет Левайн, – пояснил Торн. – Собственно, эту систему разработал я пару лет назад. Для лесников Йеллоустоуна, там мишки повадились вскрывать трейлеры. Поверни выключатель, и на корпус машины пойдет десять тысяч вольт. Шарах! Выбьет желание полакомиться у самого крупного медведя. И что? Теперь эти паразиты подадут на компенсацию. За собственную же глупость.

Он снова покачал головой:

– Ну? И где Левайн?

– Мы не знаем, – ответил Арби.

– То есть? Разве он не был сегодня в школе?

– Нет, он не пришел.

Торн снова выругался.

– Он мне нужен сегодня, чтобы провести последнюю проверку, прежде чем мы выедем в поле. Он же собирался сегодня вернуться!

– Откуда? – спросила Келли.

– Ну, он отправился в поход, как обычно, – начал Торн. – Очень радовался, волновался. Я сам снаряжал его – отдал рюкзак последней модели. Все, что необходимо, и всего двадцать один килограмм весом. Ему понравилось. Он уехал в прошлый понедельник, четыре дня назад.

– А куда?

– Откуда я знаю? Он мне не докладывал. А я не спрашивал – бесполезно. Они же все одинаковы, эти ученые. Свихнулись на секретности. Правда, это не их вина. Приходится все время опасаться, что тебя обворуют, надуют или обойдут. Нет в мире совершенства. В прошлом году я снаряжал экспедицию на Амазонку, мы делали все оборудование водонепроницаемым – там же сплошные дождевые леса. Электроника выходит из строя, если в нее попадает вода. И ученый, который работал над этой проблемой, не получил ни черта. Это за водонепроницаемость! Какой-то университетский бюрократ заявил, что, дескать, «в этом не было необходимости». Глупости. Полная ерунда. Генри... ты меня слышишь? Ставь поперек!

Торн рванулся через ангар, размахивая руками. Дети поспешили за ним.

– А теперь полюбуемся, – сказал Торн. – Мы столько месяцев вкалывали над его заказом и наконец справились. Он хотел, чтобы машины были легкими, я сделал их легкими. Он хотел крепкие, я построил крепкие... легкие и прочные одновременно, почему нет? Правда, это вроде бы невозможно, но если взять достаточно титанового сплава, то получится. Он хотел машину, которой не нужно дозаправляться или подключаться к энергоисточнику, – пожалуйста. И вот он получил, что хотел, – невероятно прочную передвижную лабораторию, готовую отправиться в места, где нет бензозаправок и электричества. Вот все готово... и я сам себе не верю. Он действительно не явился в школу?

– Действительно, – подтвердила Келли.

– Значит, он пропал, – заявил Торн. – Прекрасно. Отлично. А полевые испытания? Мы собирались погонять эти машины с неделю, чтобы проверить их работу.

– Знаем, – заметила Келли. – Мы отпросились у родителей и собрали все вещи.

– А теперь он куда-то запропастился, – фыркнул Торн. – Ну, этого можно было ожидать. Эти богатенькие детки творят все, что хотят. Такие, как Левайн, вечно все портят!

С потолка рухнула огромная металлическая клетка и приземлилась неподалеку от них. Торн отпрыгнул в сторону.

– Эдди! Проклятье! Куда ты смотрел?

– Простите, док, – отозвался Эдди Карр из-под потолка. – Но по плану она не должна деформироваться при двенадцати тысячах пси. Вот мы и проверяем.

– Хорошо, Эдди. Только не надо ронять ее нам на головы!

Торн принялся осматривать клетку. Она была круглой, сплетенной из прутьев титанового сплава, каждый прут толщиной два с половиной сантиметра. Падение с высоты никак ей не повредило. И она была легкой. Торн приподнял клетку одной рукой. Вся конструкция была примерно метр восемьдесят в высоту и метр двадцать в диаметре. И сильно смахивала на увеличенную птичью клетку. Сбоку виднелась дверца, которая запиралась на прочный замок.

– А для чего это? – поинтересовался Арби.

– Вообще-то, – сказал Торн, – это часть вон того.

И показал в угол зала, где рабочие собирали груды раздвижных алюминиевых стоек.

– Наблюдательная площадка, которую можно собрать прямо в поле. В собранном виде достигает пяти метров в высоту. На верхушке – небольшое укрытие. Тоже суперпрочное.

– А что будут наблюдать с этой площадки? – спросил Арни.

– Он не сказал вам? – полюбопытствовал Торн.

– Нет, – ответил Арни.

– Нет, – сказала Келли.

– Ну, мне он тоже ничего не сказал. Разве только то, что она должна быть очень прочной. Легкой и прочной, легкой и прочной. Невероятно. – Торн вздохнул. – Спаси меня бог от ученых ослов.

– Я думала, что вы тоже ученый, – заметила Келли.

– Бывший, – быстро поправил ее Торн. – А теперь я делаю дело. А не просто треплю языком.

Коллеги, долго знавшие Торна, соглашались, что с момента увольнения у него началась поистине счастливая жизнь. В свою бытность профессором прикладной инженерии и специалистом по экзотическим материалам Торн всегда делал упор на практические занятия, чем и снискал любовь студентов. Самому знаменитому его курсу в Стэнфорде – «Инженерное дело 101а» – учащиеся дали название «Задачи Торна». А все из-за того, что профессор постоянно подбрасывал классу разнообразные проблемы и предлагал решить их на практике. Некоторые из них стали легендарными. Например, «Ужас туалетной бумаги»: Торн просил студентов спустить лоток с яйцами с крыши Гуверской башни¹⁶, не разбив ни одного. В качестве смягчителя они могли использовать только картонные цилиндрики, извлеченные из сердцевины рулонов туалетной бумаги. Вся площадь пестрела тогда осколками яичной скорлупы.

На следующий год Торн придумал новое задание – попросил студентов соорудить стул для человека весом сто килограммов, используя лишь папиросную бумагу и нитки. В другой раз он подвесил список экзаменационных билетов под потолок и предложил ученикам достать его, имея под рукой только обувную коробку с фунтом лакрицы и несколько зубочисток.

В свободное от занятий время Торн в качестве эксперта часто разбирал в суде случаи, связанные с прикладной инженерией. Он занимался подрывами, авиакатастрофами, рухнувшими зданиями и прочими катаклизмами. Напрямую сталкиваясь с проявлениями реального мира, он пришел к выводу, что ученый обязан получить максимально широкое образование. Торн частенько говаривал: «Как вы можете разрабатывать что-то для людей, если не знаете историю и психологию? Конечно, не можете. Ваши математические формулы могут быть суперточными, но люди свихнутся от них. И если так случится, это значит, что ошиблись вы, а не люди». Он пересыпал свои лекции цитатами из Платона¹⁷, Чаки Зулусского¹⁸, Эмерсона¹⁹ и Чжуан-цзы²⁰.

¹⁶ Гуверская башня – здание высотой 87 м на территории кампуса Стэнфордского университета в штате Калифорния (США). В башне находятся библиотеки и архивы института Гувера.

¹⁷ Платон (428 (427?) – 348 (347?) до н. э) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Создатель учения об идеях (эйдосах).

¹⁸ Чака (1787–1828) – зулусский правитель, самый известный полководец Черной Африки XIX столетия.

Но, хотя студенты носили его на руках, Торн быстро обнаружил, что пытается плыть против течения, защищая общее образование. В академическом мире наметилась тенденция к более узкой специализации, что выражалось даже в засилье строго специальной терминологии. При таких раскладах пользоваться популярностью среди студентов считалось пошлым, а интерес к насущным проблемам реального мира считался доказательством интеллектуальной неадекватности и возмутительного равнодушия к теории. Но выперли Торна из-за приверженности к Чжуан-цзы. На очередном заседании кафедры поднялся один из его коллег и заявил, что «какое-то выдуманное китайское дерьмо похерило все инженерное дело».

Месяц спустя Торн уволился и вскоре организовал собственный бизнес. Он обожал свою работу, но скучал без учеников, потому он так привязался к двум юным помощникам Левайна. Эти дети были сметливы и исполнены энтузиазма. Притом достаточно молоды, и школа еще не успела отбить у них вкус к учебе. Они до сих пор не разучились пользоваться головой, а это в глазах Торна означало, что им еще далеко до завершения образования.

– Джерри! – взревел Торн, привлекая внимание одного из сварщиков на трейлере. – Закрепи подпорки с обеих сторон! Вспомни про испытания!

Торн ткнул пальцем в монитор, установленный прямо на полу. На экране трейлер налетал на барьер. Сперва он врезался передом, потом ударился боками, перевернулся и снова налетел на препятствие. После каждого удара машина отделялась легкими царапинами. Эту компьютерную программу разработала одна автомобильная фирма, потом ее стерли. Торн восстановил программу и усовершенствовал.

– Естественно, – ворчал он, – автомобильным компаниям такая программа ни к чему, слишком хорошая идея. А они не любят хороших идей – вдруг придется выпускать качественную продукцию!

Он вздохнул:

– На этом компьютере мы разбираем наши машины тысячи раз: разрабатываем конструкцию, разбираем, улучшаем, снова разносим. Никаких теорий, чистая практика. Как и положено.

Неприязнь Торна к теории успела войти в легенду. По его мнению, теория была не чем иным, как суррогатом опыта, созданным людьми, которые понятия не имеют, о чем говорят.

– Посмотрим. Джерри? Джерри! На черта мы прогоняем все это на компьютере, если вы, ребята, не следуете планам? У вас что, мозги у всех отсохли?

– Простите, док...

– Не прощу! Делай, как надо!

– Мы и так перегрузили машину...

– А-а! Так это твоя конструкция? Ты у нас уже стал конструктором? Делай по плану!

Арби затрусил рядом с Торном.

– Я боюсь за доктора Левайна, – сказал он.

– Да ну? А я нет.

– Но он всегда держит слово. Он очень ответственный.

– Это да, – согласился Торн. – А еще он страшно импульсивен и делает все, что взбредет в голову.

– Может, и так, – ответил Арби, – но вряд ли он задержался без причин. Мне кажется, у него не все ладно. На той неделе он взял нас в Беркли, где встречался с профессором Малкольмом, так у него висела на стене карта мира и там...

¹⁹ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) – американский эссеист, поэт, философ, пастор, общественный деятель; один из виднейших мыслителей и писателей США.

²⁰ Чжуан-цзы – знаменитый китайский философ предположительно IV века до н. э.

– Малкольм! – простонал Торн. – Увольте! Это же два сапога пара. Один другого стоит. Правда, я рад, что связался именно с Левайном.

Он развернулся на каблуках и зашагал в кабинет.

– Вы хотите позвонить по спутфону? – спросил Арби.

– По чему? – спросил, замерев, Торн.

– По спутниковому телефону, – ответил Арби. – Разве доктор Левайн не взял его с собой?

– Каким же образом? Ты знаешь, что самый маленький спутниковый телефон – размером с чемодан?

– Да, но необязательно, – отозвался Арби. – Вы могли сделать ему меньшую модель.

– Я? Как?

Сам того не желая, Торн восхитился этим ребенком. Как таким не восхищаться?

– С той маленькой панелью, которую мы принесли, – начал Арби. – Треугольной. Там было две антенки «Моторолла БСН-23», это нелегальная технология, ее разработали в ЦРУ. Зато с нею вы спокойно могли...

– Эй-эй, – оборвал его Торн. – Откуда ты все это знаешь? Я же предупреждал вас...

– Не волнуйтесь, я осторожный, – заверил Арби. – Но насчет панели я прав, так ведь? С нею вы могли сделать спутфон весом не больше полкило. Так?

Торн одарил мальчика долгим взглядом.

– Возможно, – наконец выдал он. – И что с того?

Арби ухмыльнулся:

– Круто!

Небольшой кабинет Торна находился в углу ангара. Стены были сплошь заклеены светокопиями, распечатками чертежей и трехмерными компьютерными схемами. На столе громоздились груды микросхем, стопки каталогов оборудования и пачки факсов. Торн зарылся в эту кучу и вскоре вынырнул с небольшой телефонной трубкой серого цвета.

– Вот, – сказал он, протягивая находку Арби. – Неплохо, верно? Я сам собрал его.

– Похож на сотовый, – заметила Келли.

– Да, но сотовый связан со станциями, а этот напрямую подключается к космическому спутнику. С него можно дозвониться до любой точки в мире. – Он начал быстро набирать номер. – Раньше для этого требовалась спутниковая тарелка метр в диаметре. Потом в тридцать сантиметров. А теперь антенны вообще не надо. И это, я вас уверяю, очень неплохо. Сейчас посмотрим, ответит ли он.

Торн нажал кнопку динамика. Из аппарата донеслись шипение помех и далекие шелчки.

– Зная Ричарда, – заметил Торн, – можно предположить, что он либо опоздал на самолет, либо попросту забыл, что у нас сегодня последняя проверка. Мы уже заканчиваем. Когда дело доходит до внутренней обивки салона и кресел, работу можно считать сделанной. А он нас задерживает. Ему же хуже. – Трубка начала выдавать равномерный писк. – Если не дозвонюсь до Левайна, попробуем связаться с Сарой Хардинг.

– Сарой Хардинг? – вскинулась Келли.

– А кто это? – спросил Арби.

– Одна из самых известных бихевиористов²¹ животных, биолог, Арб.

Сара Хардинг была кумиром Келли. Девочка читала все статьи про свою героиню, какие только могла найти. Когда-то Сара Хардинг была бедной студенткой Чикагского университета, на государственном обеспечении, а сейчас, когда ей исполнилось тридцать три, она уже профессор Принстона. Сара – красивая и независимая, она сама проложила себе дорогу в жизни. Она решила изучать львов и гиен в Африке и стала работать на природе. О ее выносливости

²¹ Бихевиорист – ученый, изучающий поведение человека и животных.

ходили легенды. Однажды ее «Лендровер» сломался, и Сара прошла в одиночку больше тридцати километров через саванну, отгоняя львов камнями.

На снимках Сара обычно была изображена в шортах и рубашке цвета хаки, с биноклем на шее. Она стояла рядом со своим «Лендровером». Короткие темные волосы, спортивная фигура – она казалась крепкой и обветренной, но в то же время и величественной, и прекрасной. По крайней мере, таковой она представлялась Келли, которая, по своему обыкновению, разглядывала все фотографии очень дотошно, вникая в малейшие детали.

– Никогда про нее не слышал, – сказал Арби.

– Не часто отрываешься от компьютера, да, сынок? – спросил Торн.

– Да, – ответил мальчик, и плечи его поникли – Арби плохо переносил критику.

– Бихевиорист? – переспросил он.

– Правильно, – кивнул Торн. – Левайн несколько раз звонил ей на прошлой неделе. Она помогает ему с оборудованием, когда дело доходит до полевых исследований. Или дает советы. Или, возможно, помогает найти общий язык с Малкольмом. Ведь она была без ума от Малкольма.

– Быть не может, – возразила Келли. – Наверное, это он был без ума от нее...

– Ты знакома с Сарой? – спросил Торн, повернувшись к девочке.

– Нет. Но я много читала о ней.

– Понятно, – буркнул Торн и замолчал. Он ясно увидел все симптомы поклонения героине и мысленно одобрил Келли. Для девочки боготворить Сару Хардинг – не самый худший выбор. По крайней мере, она не спортсменка и не рок-звезда. Собственно, детям полезно увлекаться людьми, которые грызут гранит науки...

Трубка продолжала пищать. Никто не отвечал.

– Ну, его аппарат в порядке, сигнал-то проходит. Больше узнать мы не можем.

– А вы можете проследить его местонахождение? – спросил Арби.

– К сожалению, нет. А если попытаемся нащупать на месте, то быстро истощим батарейки и...

Раздался щелчок, и все услышали далекий, но четкий мужской голос:

– Левайн.

– Прекрасно! Он здесь, – закивал Торн. Нажал переговорную кнопку. – Ричард? Это доктор Торн.

Из динамика полился треск помех. Потом раздался слабый кашель, и хриплый голос произнес:

– Алло? Алло? Это Левайн.

Торн снова нажал на кнопку.

– Ричард! Это Торн. Ты слышишь меня?

– Алло? – сипел Левайн на том конце. – Алло?

Торн вздохнул:

– Ричард. Ты должен нажать кнопку «П», чтобы услышать меня.

– Алло? – Еще один долгий, раздражающий приступ кашля. – Это Левайн. Алло?

Торн с отвращением покачал головой.

– Вероятно, он понятия не имеет, как работает аппарат. Черт! Я же объяснял. Естественно, он не слушал меня. Гении никогда никого не слушают. Они думают, что и так все знают. А это не игрушки. – Он снова нажал переговорную кнопку. – Ричард, слушай меня. Ты должен нажать кнопку «П» для...

– Это Левайн. Алло! Левайн. Пожалуйста. Мне нужна помощь. – Он застонал. – Если вы слышите меня, пришлите подмогу. Я на этом острове, я думал, что все подготовил хорошо, но...

Треск. Шипение.

- Ого, – сказал Торн.
 - Что такое? – встревожился Арби.
 - Мы его теряем.
 - Почему?
 - Батарейка села. Они быстро заканчиваются. Проклятье! Ричард, где ты?
- Издали долетел голос Левайна:
- ...уже мертв... ситуация... сейчас... очень серьезная... не знаю... слышите меня, но если вы... помогите...
 - Ричард, скажи, где ты находишься?!
- Трубка зашипела сильнее, помехи стали громче, а голос почти затих.
- ...окружили меня... голодные... слышу их запах... особенно ночью...
 - О чем это он? – спросил Арби.
 - ...ранен... не могу... недолго... пожалуйста...
- Трубка выдала последний хрип и треск и заглохла.
- Торн выключил аппарат. Поглядел на побледневших ребяташек.
- Мы должны его найти, – сказал он.

Вторая конфигурация

По мере приближения к грани хаоса самоорганизация в сложных системах развивается все сильнее.
Ян Малкольм

По следам

Торн отпер дверь в комнату Левайна и включил свет. Все замерли, пораженные.

– Как в музее, – выдохнул Арби.

Апартаменты Левайна, состоящие из двух спален, были декорированы в азиатском стиле, включая низкие деревянные столики, богато инкрустированные бюро и прочий дорогой антиквариат. Но помещение сверкало стерильной чистотой, и большая часть мебели стояла в пластиковых чехлах. Все было аккуратно помечено табличками. Посетители прошли в комнату.

– Неужели он тут живет? – удивилась Келли. Верилось с трудом. Комнаты казались совершенно безликими, почти нечеловеческими. И в ее собственной комнате всегда царил такой кавардак...

– Ага, живет, – подтвердил Торн, поворачивая ключ в замке. – И всегда в подобной обстановке. Потому он никогда не приводит к себе женщин – терпеть не может, чтобы кто-то трогал его вещи.

В гостиной вокруг невысокого стеклянного стола стояли кушетки. На столе лежали четыре стопки книг, корешки которых были строго выровнены по стеклянному краю стола. Арби бегло просмотрел названия. «Теория катастроф и новых структур», «Индуктивные процессы в молекулярной эволюции», «Клеточная автоматика», «Методология нелинейной адаптации», «Периодичность в эволюционных системах». Было там и несколько более старых книг, на немецком.

Келли потянула носом воздух.

– Что-то готовится?

– Не знаю, – сказал Торн и пошел в столовую. Вдоль стены тянулась плита, на которой выстроилась в ряд посуда, накрытая крышками. Посреди комнаты был обеденный стол полированного дерева. На нем стоял столовый прибор на одного, сверкая серебром и хрусталем. Над супницей поднимался парок.

Торн подошел к столу и поднял лист бумаги, который лежал на крышке.

– «Раковый суп, зелень, коктейль, – прочел он. – Надеюсь, что ваше путешествие было удачным. Ромелия».

– Ух ты, – выдохнула Келли. – Значит, каждый день кто-то ему готовит.

– Наверное, – кивнул Торн. Но этот факт его не удивил. Инженер принялся рыться в пачке почты, которая лежала рядом с тарелкой. Келли подняла пару факсов, которые нашла на другом столе. Первый был из музея Пибоди в Йеле.

– Это по-немецки? – спросила девочка, протягивая бумагу Торну.

Ув. доктор Левайн!

Документ, который Вы заказывали:

*«Geschichtliche Forschungsarbeiten über die
Geologie Zentralamerikas, 1922–1929»*

выслан сегодня почтовым экспрессом.

Благодарим Вас.

Подпись: Дина Скрамбис, архивариус.

– Точно перевести не могу, – сказал Торн, – но, кажется, это «Некоторые исследования по геологии Центральной Америки». Двадцатые годы. М-да, не слишком свежие новости.

– Но почему он заказал эту книгу? – спросила девочка.

Торн не ответил. И двинулся в спальню.

Кровать была аккуратно застелена черным покрывалом. Торн распахнул дверцы платяного шкафа. Внутри лежали стопки одежды и белья – все глаженое, аккуратно разложенное и в основном в целлофановых пакетах. Он открыл верхнее отделение шкафа. Там на маленьких плечиках висели носки, четко чередующиеся по цвету.

– Но как же можно так жить! – не выдержала Келли.

– Очень просто, – ответил Торн. – Достаточно иметь слуг.

Он быстро открыл остальные отделения, одно за другим.

Келли подошла к тумбочке у кровати. На ней лежали несколько книг. Верхняя была маленькой, пожелтевшей от времени. Из Германии, поскольку название гласило: «Die fünf Todesarten». Девочка пролистала книгу, разглядывая рисунки, изображавшие ацтеков в красочных нарядах. «Похоже на детские иллюстрированные книжки», – подумала она.

Ниже находились книги и журналы в темно-красных переплетах института Санта-Фе – «Генетические алгоритмы и эвристика», «Геология Центральной Америки», «Мозаичные механизмы условного измерения». И отчет компании «ИнГен» за 1989 год. А рядом с телефоном Келли заприметила листок, на котором было что-то второпях написано. Она узнала четкий почерк Левайна.

Там стояло:

*Зона «Б»
Vulkanische
Такано?
Нублар?
1 из 5 Смертей?
в горах? Нет!!!
может Гуттиерес
осторожно*

Последнее слово было подчеркнуто.

– А что такое зона «Б»? – спросила Келли. – Он пишет про нее.

Торн подошел и взглянул на листок.

– Vulkanische, – пробормотал он. – Это значит «вулканический». А Такано и Нублар...

Похоже на названия каких-то мест. Можно проверить по атласу...

– А что это за пять смертей? – спросила Келли.

– Черт его знает.

Они озадаченно глядели на листок бумаги, когда в спальню вошел Арби и спросил:

– Что такое зона «Б»?

– А что? – обернулся к нему Торн.

– Лучше посмотрите на его кабинет, – ответил Арби.

Левайн превратил в кабинет вторую спальню. Как и остальные комнаты, он сиял первозданной чистотой. На письменном столе, рядом с компьютером под пластиковым чехлом, были аккуратно сложены бумаги. Но половину стены занимала пробковая доска, на которой Левайн вывешивал карты, счета, вырезки из газет и снимки со спутников. Сверху был прицеплен лист с надписью: «Зона «Б»?» Рядом находился невнятный, тусклый снимок очкастого китайца в белом лабораторном халате. Он был снят на фоне джунглей, а сбоку виднелся деревянный знак: Зона «Б». Халат китайца был распахнут, и на открывшейся футболке были заметны какие-то буквы.

Тут же висело следующее фото – увеличенное изображение этой самой футболки. С обоих боков надпись скрывали полы халата, но, судя по всему, там стояло:

*«ИнГен» зона «Б»
следовательская лабора*

Ниж Левайн начертал своим четким, изящным почерком:

«ИнГен», зона «Б», исследовательская лаборатория??? Где???

А под фотографией находилась вырезка из отчета компании «ИнГен». Всего один абзац.

Штаб-квартира компании находится в Пало-Альто, где «ИнГен» разместил современнейшую исследовательскую лабораторию площадью в двести квадратных футов. Помимо штаб-квартиры, компания владеет тремя полевыми лабораториями по всему миру. Геологическая лаборатория в Южной Африке, где изучаются янтарь и прочие минералы; экспериментальная ферма в горах Коста-Рики, где выращиваются экзотические виды растений; и лаборатория на острове Нублар, в 120 милях западнее Коста-Рики.

Рядом висела реакция Левайна:

Никакой «Б»? Лжецы!

– Он вцепился в эту зону «Б».

– Да, – согласился Торн. – И думает, что это на каком-то острове.

Вглядевшись в спутниковые фотографии, Торн открыл, что, хотя они и раскрашены в разные цвета и сняты с разной степенью приближения, все они изображают одну и ту же географическую точку: скалистое побережье и несколько островков. Берег моря состоял из песчаной полосы и придвинувшихся вплотную джунглей. Была ли это Коста-Рика – неизвестно, наверняка сказать было сложно. По правде говоря, это мог быть любой уголок земного шара.

– Он сказал, что находится на острове, – вспомнила Келли.

– Да, – пожал плечами Торн. – Но это ни о чем не говорит.

Он внимательно рассматривал доску.

– Здесь примерно двадцать островов, если не больше.

У нижней кромки доски висел листок из блокнота.

*Зона «Б» @##Всем отделениям () *****
помнить о%\$#@#!пресса избежа*****
Мистер Хаммонд напоминает всем ***** после
^*&^продажи*%**Долгосрочный план продажи*&^&^%
Продажа заказанных образцов не должна выходить
стать известной. Мистер Хаммонд сообщает всем
отделениям, что сведения о продукции никогда не должны попасть в
прессу или переписку.
Продукция/производственное оборудование не должно#@##\$
упоминания о продукции острова в
Остров С. содержит только
строгие предп%\$ указания*

– Это зацепка, – сказал инженер. – Но что отсюда можно вытянуть?

Подошел Арби и принялся изучать написанное.

– Здесь куча пропущенных букв и символов, – продолжил Торн. – Ты можешь что-нибудь сделать?

– Да, – кивнул Арби.

Он хрустнул пальцами и напрямик направился к столу Левайна. Снял пластиковый чехол с компьютера и сказал:

– Думаю, что могу.

Торн ожидал, что это будет машина последнего поколения, но компьютер оказался старым и довольно потрепанным. На боку стояла надпись: «Ассоциация дизайна, Инк.». А под кнопкой питания сияла маленькая металлическая табличка: «Собственность Интернациональной генетической технологии, Инк., Пало-Альто, Центр. Америка».

– Это что? – удивился Торн. – У Левайна компьютер «ИнГена»?

– Ага, – сказал Арби. – На прошлой неделе он посылал нас его купить. Они распродают все оборудование.

– Он послал вас? – не поверил Торн.

– Да. Меня и Келли. Сам идти не хотел – боялся, что его выследят.

– Но это профилированная машина, на ней работают только архитекторы, дизайнеры и инженеры. И ей уже лет пять. Для чего она сдалась Левайну?

– Он нам не сказал, – ответил Арби, включая питание. – Но я и так знаю.

– Ну?

– Эта бумага, – кивнул Арби на блокнотный лист. – Знаете, почему запись так выглядит? Это восстановленный компьютерный файл. Левайн восстанавливал стертые файлы «ИнГена» из памяти этой машины.

Как объяснил Арби, все машины компании, выставленные на продажу, сперва прошли полное форматирование дисков, чтобы стереть всю имеющуюся информацию. За исключением этих профилированных компьютеров. Производители начинили их своеобразным программным обеспечением, закрепленным за каждой отдельной машиной. Да еще ввели специальные коды. Переформатировать их было невозможно – для этого понадобилось бы менять все программное обеспечение, а это заняло бы не один час.

– Значит, их не форматировали, – заключил Торн.

– Именно, – подтвердил Арби. – Они просто стерли все директории и продали машины.

– А значит, все файлы остались на диске.

– Да.

Монитор засветился. На экран выплыла строка:

Восстановленные файлы: 2387

– Ого! – выдохнул Арби.

Он налег грудью на стол, не отрывая глаз от экрана и порхая пальцами по клавишам. Перед ним высветились длинные столбцы сотен и сотен файлов.

– Как же ты собираешься... – начал было Торн.

– Одну минуту, – перебил его Арби. И начал быстро что-то печатать.

– Ладно, Арб, – промямлил Торн. Его поразила неожиданная властность в голосе мальчика, когда тот оказался за клавиатурой компьютера. Казалось, Арби позабыл о своем возрасте, смущении и сомнениях. Электронный мир действительно был его родной стихией. И он знал, что здесь ему многое подвластно.

– Любая подсказка, любой намек может помочь нам...

– Док, – бросил Арби, – оставьте. Идите и... ну, я не знаю. Помогите Келли, или еще что-нибудь.

И мальчик повернулся к экрану и снова принялся печатать.

Раптор

Велоцираптор был темно-зеленым, шести футов в высоту. Изготовившись к атаке, он громко шипел. Его мускулистая шея выстреливала вперед, челюсти были раскрыты.

– Ну как, доктор Малкольм? – спросил Тим, один из создателей модели.

– Нет злобы, – сказал Малкольм, подходя ближе. Он как раз направлялся к своему кабинету через заднее крыло биологического отделения.

– Нет злобы?

– Они никогда так не стоят, опираясь на обе лапы. Дай ему книгу... – он подхватил тетрадь со стола и сунул в передние лапы животного – ...и пускай поет псалмы.

– Хе, – ухмыльнулся Тим. – Я и не думал, что все так плохо.

– Плохо? – переспросил Малкольм. – В крупных хищниках всегда есть порыв. Мы должны ощущать его скорость, злость и силу. Открой шире пасть. Опусти шею пониже. Напряги мышцы, подтяни кожу. И подними эту лапу. Помни, что рапторы не хватают челюстями, они используют для атаки когти. Пусть коготь приподнимется, готовый полоснуть и вырвать кишки из живота жертвы.

– Вы думаете? – с сомнением протянул Тим. – Это может напугать маленьких детей...

– Ты имеешь в виду себя? – бросил Малкольм уже на ходу. – И еще один момент. Убери этот свистящий звук. Будто кому-то приспичило пописать. Пусть тварь рычит. Хищники, кстати, так и делают.

– Хе, – буркнул Тим. – Я и не знал, что вы в этом лично заинтересованы.

– Нужно быть аккуратным, – заметил Малкольм. – Понимаешь, все дело в аккуратности и неаккуратности. Именно в этом должен быть лично заинтересован каждый, заботящийся о своей репутации.

Он шел и злился, не обращая внимания на мимолетную боль в ноге. Этот моделист задел его, хотя, надо признать, Тим был всего лишь типичным представителем воцарившегося повсюду беспардонного образа мысли. Малкольм называл это «наука сю-сю».

Яна выводила из себя самонадеянность его ученых коллег. Они заразились этой напыщенностью в результате пренебрежения историей науки. Ученые притворялись, что история не играет никакой роли, потому что, дескать, современные исследователи успешно исправили ошибки прошлого. Естественно, их тупоголовые предшественники в прошлом считали точно так же. Они ошибались. И современные ученые тоже ошибаются. Ни один пример из истории науки не подтверждает этого лучше, чем представления о динозаврах.

Грустно признавать, но самое первое определение динозавров было и самым точным. В 1840-х годах, когда Ричард Оуэн²² впервые описывал гигантские кости, найденные в Англии, он назвал их Dinosauria – ужасные ящеры. «До сих пор, – думал Малкольм, – это остается самым верным описанием этих тварей. Они действительно ящеры, и действительно ужасны».

Но со времен Оуэна «научный» взгляд на динозавров претерпел множество перемен. Поскольку викторианцы верили в неизбежность прогресса, они решили, что динозавры были плохи и никчемны – иначе с чего бы они вымерли? Поэтому викторианцы сделали их толстыми, летаргичными и тупыми – первые идиоты в прошлом. Их представление о динозаврах воспринял весь мир, и к началу двадцатого столетия динозавры стали так слабы, что не могли даже выдержать вес собственного тела. Бронтозавры должны были постоянно находиться в воде,

²² Ричард Оуэн (1804–1892) – английский зоолог и палеонтолог. Вел обширные исследования в области сравнительной анатомии, изучал историю развития позвоночных животных, занимался реконструированием ископаемых животных по частям скелета.

чтобы не переломать себе ноги. И воцарилось мнение, что древний мир был населен слабыми, тупыми, неповоротливыми животными.

Так продолжалось до 1960 года, когда несколько смелых ученых под руководством Джона Острома²³ выдвинули образ быстрых, смысленных и теплокровных динозавров. Поскольку эти ученые посягнули на устоявшееся мнение, их много лет критиковали в свое удовольствие, хотя постепенно становилось ясно, что их идеи верны.

Но последние десять лет интерес к социальному поведению динозавров породил новый взгляд на них. Теперь они стали смысленными созданиями, которые жили стадами и заботились о подрастающем потомстве. Они казались хорошими, даже милыми и забавными животными. Просто эти милашки все погибли из-за кошмарного метеорита. Этот сюсюкающий взгляд на мир и породил людей, подобных Тиму, которым было лень глянуть на другую сторону медали, увидеть обратную сторону жизни. Конечно, некоторые динозавры жили стадом и помогали друг другу. Но остальные были охотниками и убийцами мирных собратьев. Для Малкольма истинная картина жизни в прошлом представлялась сплетением силы и слабости, хорошего и плохого – так было всегда и так осталось до сих пор. И нечего притворяться, что это не так.

«Испугает маленьких детей», – вот уж точно! Малкольм презрительно фыркнул, шагая по коридору к себе в кабинет.

На самом деле Малкольм встревожился, услышав объяснения Элизабет Гелман о присланном образце. Особенно о метке. Ян был уверен, что с этой меткой хлопот не оберешься.

Правда, он не был уверен, как следует поступить дальше.

Малкольм завернул за угол, миновал стенд с наконечниками для стрел, созданных древним человеком Америки. Впереди замаячил его кабинет. Беверли, ассистентка, стояла у своего стола и сортировала бумаги, собираясь домой. Она протянула ему факсы и сказала:

– Я отправила сообщение доктору Левайну, но он не ответил. Никто не знает, где он.

– Час от часу не легче, – вздохнул Малкольм. Вот и работай с этим Левайном! Он такой импульсивный, никогда не знаешь, что он выкинет в следующий раз. Малкольм был первым поручителем Левайна, когда того арестовали за превышение скорости.

Ян просмотрел факсы: приглашения на конференции, запросы о работах... ничего интересного.

– Хорошо. Спасибо, Беверли.

– Ах да. Фотографы тоже приходили. Они все закончили час назад.

– Какие фотографии? – насторожился Ян.

– Из «Журнала Хаоса». Снимали ваш кабинет.

– Что вы имеете в виду?

– Они пришли снять ваш кабинет, – пояснила Беверли. – Для серии статей о рабочих местах знаменитых математиков. У них было ваше письмо, где вы разрешали...

– Я не посылал никакого письма, – оборвал ее Малкольм. – И в первый раз слышу про «Журнал Хаоса».

Он вошел в кабинет и осмотрелся. Перепуганная Беверли поспешила за ним следом.

– Все в порядке? Ничего не пропало?

– Кажется, все на месте, – сказал он, бегло проверяя содержимое ящиков стола. Ничего не исчезло.

– Уф, – облегченно вырвалось у Беверли, – я уж думала...

Он повернулся и глянул в дальний конец комнаты.

²³ Джон Остром (1928–2005) – американский палеонтолог. Одним из первых выдвинул предположение о том, что динозавры были скорее похожи на огромных нелетающих птиц, чем на ящеров. Это вызвало настоящую революцию в научном мире, известную как «Ренессанс динозавров».

Карта!

У него висела карта мира с отметками там, где были обнаружены «формы, отклонившиеся от нормы». Даже при самом небрежном подсчете – считал Левайн – их было уже двенадцать. Зона находок тянулась от Рангириа на западе до Баджа Калифорния и Эквадора на востоке. Можно было верить в это или нет. Но последний образец кожи доказал, что, по крайней мере, один неизвестный вид существует. Так что и предыдущие находки заслуживали внимания.

– Они фотографировали эту карту?

– Да, они все фотографировали. Это важно?

Малкольм отстраненно посмотрел на карту. Что может вынести отсюда непосвященный? Они с Левайном часами просиживали перед ней, высчитывая расположение «затерянного мира». И наконец сузили поиски до пяти островов неподалеку от побережья Коста-Рики. Левайн был убежден, что следует искать на одном из этих островов, и Малкольм начал приходить к выводу, что его коллега прав. Но эти острова не были отмечены на карте...

– Они были такими вежливыми. Иностранцы... кажется, шведы.

Малкольм кивнул и вздохнул. «Ну и черт с ними, – подумал он. – Рано или поздно это должно было случиться».

– Все в порядке, Беверли.

– Вы уверены?

– Да, все нормально. До свидания.

– До свидания, доктор Малкольм.

Оставшись один, Ян набрал номер Левайна. Отозвался автоответчик. Левайна до сих пор не было дома.

– Ричард, ты дома? Если да, то возьми трубку, это важно.

Малкольм подождал, но ничего не изменилось.

– Ричард, это Ян. Слушай, у нас проблемы. Карта – уже не тайна. И мы проанализировали образец тканей. Я думаю, мы можем смело решить, что зона «Б» расположена...

Кто-то поднял трубку. Малкольм услышал чье-то дыхание.

– Ричард? – переспросил он.

– Нет, – ответил далекий голос. – Это Торн. Мне кажется, Ян, тебе лучше поскорее сюда приехать.

Пять Смертей

– Я так и знал! – воскликнул Малкольм, входя в квартиру Левайна и быстро оглядываясь. – Я ждал чего-то в этом роде. Он не способен и дня просидеть на месте! Я же говорил ему, чтобы и не думал лезть туда, пока мы все не выясним досконально. Я должен был догадаться: он не утерпит. Естественно, он полез.

– Вот именно.

– Раздутое эго, – покачал головой Малкольм. – Ричард всегда должен быть первым. Первым найти, первым добраться до места. Он наверняка все погубил. Его импульсивное поведение – это же настоящая буря в мозгу, в нейронах. Буря на грани хаоса. Навязчивые идеи – всего лишь одна из вредных привычек. Но какой ученый умеет держать себя в руках? В школе учат: раскрепощайте мозги. А о том, что Нильс Бор²⁴ был не только великим физиком, но и олимпийским чемпионом по атлетике, они забывают! Сейчас все ученые стараются вести себя как психопаты. Это их профессиональный стиль.

Торн задумчиво посмотрел на Малкольма и решил, что перед ним – еще одна крайность.

– Вы знаете, на какой остров он отправился?

– Нет, – сказал Малкольм, шатаясь по комнатам и разглядывая вещи. – Когда мы разговаривали в последний раз, то сузили круг поисков до пяти островов, все на юге. Но не решили еще, который именно.

Торн показал на доску, где висели снимки со спутников.

– Эти острова?

– Да, – подтвердил Ян, всматриваясь в фотографии. – Они расположены дугой вдоль залива Пуэрто-Кортес. Вероятно, необитаемы. Местные жители называют их Пять Смертей.

– Почему? – поинтересовалась Келли.

– Из-за одной старой индейской сказки, – пояснил Малкольм. – В ней идет речь о каком-то храбром воине, которого взяли в плен и предложили выбрать смерть: сожжение, утопление, сбрасывание со скалы, повешение и обезглавливание. Воин ответил, что хотел бы принять все смерти, и отправился с острова на остров, где его ждали разные испытания. Своеобразная американская версия двенадцати подвигов Геракла...

– Так вот это о чем! – воскликнула Келли и выбежала из комнаты.

Малкольм заморгал.

Повернулся к Торну, но тот лишь пожал плечами.

Келли вернулась, держа немецкую книжку с картинками. И протянула ее Малкольму.

– Да, – кивнул тот. – «Die Fünf Todesarten». То есть «Пять способов смерти». Странно, что на немецком...

– Здесь полно книг на немецком, – вставила Келли.

– Да ну? Вот паршивец! А мне не сказал.

– Это важно? – спросила девочка.

– Еще бы! Подай мне вон ту лупу, пожалуйста.

Келли принесла ему со стола лупу.

– И в чем же дело?

– Пять Смертей – древние вулканические острова, – начал объяснять Ян. – А значит, там рай для геологов. Еще в двадцатые годы немцы хотели их разрабатывать.

Он внимательно всматривался в снимки.

²⁴ Нильс Бор (1885–1962) – датский физик-теоретик и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по физике 1922 г. Один из создателей квантовой механики, также внес значительный вклад в развитие теории атомного ядра и ядерных реакций.

– Ага. Да, это именно они. Без сомнения. Матансерос, Муерте, Такано, Сорна, Пена... Все это имена смерти и уничтожения... Хорошо. Уже теплее. У нас есть спутниковые снимки со спектрографическим анализом облачного покрова?

– Это поможет нам найти зону «Б»? – подал голос Арби.

– Что? – подскочил Малкольм. – Что тебе известно про зону «Б»?

Арби до сих пор сидел за компьютером, работая над файлами.

– Ничего. Знаю только, что доктор Левайн тоже искал зону «Б». Это название встречается в файлах.

– Каких файлов?

– Я восстановил некоторые файлы «ИнГена» из этого компьютера. Просмотрел и нашел упоминания о зоне «Б». Правда, несколько странные. Вроде этого.

Он откинулся на спинку кресла, давая Яну возможность увидеть экран.

Содержание: Запланированные проверки № 35

Продукция	(зона «Б»)
кислородные баллоны	класс N5 – класс N7
лабораторное оборудование	400 куб. см – 500 куб. см
биозащита ИК	3 уровня – ИК 5 уровней
заграждение	13 гектаров – 26 гектаров
персонал	17 (4 завед.) – 19 (4 завед.)

Малкольм нахмурился:

– Забавно, но не особенно полезно для нас. Отсюда неясно, какой остров имеется в виду... если это вообще остров. Что тут еще?

– Ну... – Арби пощелкал клавишами. – Сейчас посмотрим. Вот.

Зона «Б»	Островная сеть. Узлы
Зона 1 (река)	1–8
Зона 2 (побережье)	9–16
Зона 3 (горы)	17–24
Зона 4 (долина)	25–32

– Ладно, – сдался Малкольм. – Выходит, остров. И у зоны «Б» есть какая-то сеть. Какая? Компьютерная?

– Не знаю, – ответил Арби. – Может, радиосеть?

– Зачем? – пожал плечами Малкольм. – Для чего может понадобиться радиосеть? Да, этот файл тоже не особенно внятный.

Арби вскинулся. Он воспринял последнее замечание как вызов. И яростно принялся что-то отстукивать на клавиатуре. Потом вскрикнул:

– Стойте! Здесь еще один... если я смогу его открыть... Есть! Получилось!

Он отодвинулся от экрана, чтобы все могли видеть.

Малкольм глянул и промурлыкал:

– Хорошо. Оч-чень хорошо!

Зона «Б». Список указателей

Западное крыло	Восточное крыло	Грузовой причал
Лаборатория	Зал заседаний	Вход
Направо/налево	Управление	Теплостанция
Универмаг	Деревня рабочих	Геологический центр
Заправочная станция	Бассейн/корт	Оранжерея
Заведующий	Горная тропа	Трубопровод
1-й охранный пункт	2-й охранный пункт	Теплопровод
Речная пристань	Лодочная станция	Солнечные батареи
Луговой маршрут	Речной маршрут	Общий маршрут
Канатная дорога	Горный маршрут	Ограждения

– Это уже кое-что, – заметил Малкольм, изучая список. – Можешь распечатать это?

– Конечно, – сияя, ответил Арби. – Это действительно то, что надо?

– Да.

Келли посмотрела на друга.

– Арб, это обозначения, там должна быть карта.

– Ага, наверняка. Здорово, да?

Он подключил принтер.

Малкольм некоторое время читал список, потом вернулся к доске и принялся разглядывать все спутниковые снимки через увеличительное стекло, почти водя носом по фотографиям.

– Арб, – повторила Келли, – чего ты сидишь? Давай, восстанови карту, она нам нужна!

– Не знаю, получится ли, – замялся Арб. – Она занимает много места, времени уйдет уйма.

– Хватит ныть, Арб. За работу!

– Не стоит, – сказал Малкольм, отступая от доски. – Это уже неважно.

– Почему? – спросил слегка задетый Арби.

– Можешь отдыхать, Арби. Последний файл, который ты восстановил, позволяет точно установить, что это за остров.

Джеймс

Эд Джеймс зевнул и плотнее прижал наушники к ушам. Хотел убедиться, что ничего не пропустит. Он заерзал по сиденью машины, стараясь устроиться поудобней и не заснуть.

На коленях лежал маленький магнитофон, рядом – блокнот и смятые салфетки из-под двух гамбургеров. Джеймс посмотрел на дом Левайна на противоположной стороне улицы. На третьем этаже, в квартире ученого, горел свет.

«Жучок», который Джеймс поставил там на прошлой неделе, работал исправно. В наушниках раздался голос одного из детей:

– А как?

Ответил тот хромоножка, Малкольм:

– Доказательством является многочисленное пересечение причинно-следственных связей в одной точке.

– И что? – спросил мальчик.

– Просто взгляните на снимки со спутника.

«Снимки», – записал Джеймс в блокнот.

– Мы уже смотрели, – сказала девочка.

Джеймс чувствовал себя последним дураком, что прозевал детей, которые на самом деле работали на Левайна. Он хорошо помнил этих учеников из класса, в котором преподавал Левайн: невысокий негритенок и нескладная белая девочка. Всего-навсего дети, лет одиннадцати-двенадцати. И он самым позорным образом прошляпил их.

Но теперь это уже не имеет значения. Он все равно добыл необходимую информацию. Джеймс подобрал с салфетки две последние французские булочки и съел их, хотя они давно остыли.

– Ладно, – послышался голос Малкольма. – Вот этот остров. Именно сюда поехал Левайн.

– Вы уверены? – с сомнением спросила девочка. – Это... остров Сорна.

«Остров Сорна», – записал Джеймс.

– Это нужный остров, – ответил Малкольм. – Почему? Три независимые друг от друга причины. Во-первых, это частные владения, и правительство Коста-Рики не могло как следует прочесать его. Во-вторых, кто его владельцы? Немцы, которые в двадцатые годы добились права разрабатывать его природные ресурсы.

– Все эти немецкие книжки!

– Именно. В-третьих, список Арби – и еще один источник – свидетельствует, что зона «Б» расположена на вулканическом острове. Итак, на каком острове есть вулканические испарения? Возьмите лупу и посмотрите сами. Только на одном.

– Вы имеете в виду вот это? – спросила девочка.

– Правильно. Это вулканический дым.

– Но как вы узнали?

– Спектрографический анализ. Видишь вот этот пик? Это наличие серы в облачном покрове. Там нет иных источников серы, кроме вулканов.

– А этот пик?

– Метан, – ответил Малкольм. – Вероятно, там большие скопления метана.

– Тоже из-за вулканов? – спросил Торн.

– Возможно. Метан выделяется в процессе вулканической активности, особенно во время извержения. А еще он может быть органического происхождения.

– Органического? Как же?

– Крупные травоядные и...

Следующих слов Джеймс не расслышал. Потом мальчик спросил:

– Так мне восстанавливать или нет?

Голос его звучал раздраженно.

– Нет, – сказал Торн. – Уже не надо, Арби. Мы уже узнали все, что нам было нужно. Пойдем.

Джеймс поднял глаза на дом и увидел, как начали гаснуть окна в квартире Левайна. Через минуту на улицу вышел Торн с детьми. Они сели в джип и укатили. Малкольм подошел к своей машине, с трудом забрался на водительское место и отбыл в противоположном направлении.

Джеймс решил ехать за Малкольмом, но сперва нужно было сделать одно дело. Он включил зажигание, достал телефон и набрал номер.

«Полевые Системы»

Спустя полчаса они добрались до гаража Торна. И Келли замерла с раскрытым ртом. Большая часть рабочих уже ушла, и ангар оказался чистым и прибранным. Два трейлера и форд «Эксплорер» стояли бок о бок, сияя свежей темно-зеленой краской и готовые к путешествию.

– Они уже закончены!

– Я же говорил, – кивнул Торн. И повернулся к начальнику смены, Эдди Карру, крепышу двадцати с хвостиком лет. – Как дела, Эдди?

– Высыхают, док, – доложил Эдди. – Кое-где краска еще липнет, но к утру все будет в норме.

– Некогда ждать утра. Мы отправляемся прямо сейчас.

– Как?

Арби и Келли переглянулись. Для них это тоже оказалось новостью.

– Ты поведешь одну из машин, Эдди. К полуночи нам нужно быть уже в аэропорту.

– Но я думал, что это просто полевые испытания...

– Некогда. Мы сразу отбываем на место.

В дверь позвонили.

– Это Малкольм, – проговорил Торн и отпер замок.

– Разве вы не едете на полевые испытания? – забеспокоился Эдди. – Лучше проверить их, док. Мы здорово изменили первоначальную конструкцию и...

– Нет времени, – отрезал Малкольм, входя в ангар. – Нужно выезжать прямо сейчас. – Он повернулся к Торну: – Я очень волнуюсь за него.

– Эдди! – рявкнул Торн. – Визы и остальные документы готовы?

– Да, мы получили их еще две недели назад.

– Хорошо, возьми их и позвони Дженкинсу – пусть встретит нас в аэропорту и все подготавливает. Через четыре часа мы должны быть уже в воздухе.

– Боже, док...

– Исполни.

– Вы собираетесь в Коста-Рику? – спросила Келли.

– Да. Нужно найти Левайна. Если еще не поздно.

– И мы летим с вами, – заявила Келли.

– Конечно, летим! – поддакнул Арби.

– Исключено, – мотнул головой Торн. – Без вариантов.

– Разве мы этого не заслужили?

– Доктор Левайн говорил с нашими родителями!

– Нам разрешили!

– Вам разрешили, – спокойно сказал Торн, – поехать на полевые испытания в лес, в ста милях отсюда. А мы едем совсем не туда. Мы едем в опасное место. Вы остаетесь. Точка.

– Но...

– Все, дети, хватит! – нахмурился Торн. – Я должен позвонить. А вы забираете ваши вещи и немедленно отправляетесь домой.

Он развернулся и пошел в кабинет.

– Та-ак, – протянула Келли.

Арби показал язык в спину удаляющемуся Торну и пробурчал:

– Задница!

– Получай программу, Арби, – сказал Торн, не оборачиваясь. – Вы вдвоем идете домой. Ввод.

Он вошел в кабинет и хлопнул дверью.

Арби сунул руки в карманы.

– Они без нас не справятся.

– Знаю, Арб, – согласилась Келли. – Но его не уговоришь.

Они повернулись к Малкольму.

– Доктор Малкольм, вы не могли бы...

– Простите, не могу, – сказал Ян.

– Но...

– Нет, ребята. Это слишком опасно.

Расстроенные друзья подошли к машинам, которые блестели под неоновыми лампами. «Эксплорер», со светопоглощающими панелями на крыше кабины и фургона, был напичкан сверкающим электронным оборудованием. Просто взгляни на «Эксплорер» – и тебя захватит песня странствий – странствий, в которых тебе не суждено побывать.

Арби приник к окну большего трейлера и выкатил глаза.

– Ого, ты только глянь!

– Я внутрь, – сказала Келли и открыла дверцу. И тут же поразились, как прочно и монументально выглядит машина изнутри. Потом вскарабкалась по ступенькам в трейлер.

Внутри прибавилась обивка серого цвета и куча нового оборудования. Оно было разбито на несколько отделений, строго по лабораторным функциям. В центре – биологическая лаборатория, с клетками, подставками и микроскопами, выведенными к мониторам. Тут было и биохимическое оборудование: спектрометры и несколько автоматических анализаторов. Рядом находились компьютерный отдел, банк данных и связь. Все это было миниатюрным, привинченным к откидным столам, которые убирались в стену.

– Круто! – ухнул Арби.

Келли не ответила. Она оглядывала лабораторию. Доктор Левайн следил за созданием этой машины, и ее делали на заказ, то есть для определенных целей. Здесь не было снаряжения для исследований в области геологии, ботаники, химии и прочих аспектов, которыми, по идее, должны заниматься в поле. Это не имело отношения к научной лаборатории в целом. Единственное, что здесь было, – это биолaborатория и компьютеры.

Биология и компьютеры.

Ввод.

Так для чего строился этот трейлер? Что они собирались изучать?

На стене висела небольшая книжная полка, каждая книга находилась в специальном зажиме. Келли прочитала названия: «Моделирование адаптационных биологических систем», «Поведенческие особенности позвоночных», «Адаптация в естественной и искусственной системах», «Динозавры Северной Америки», «Первичная адаптация и эволюция»... Странный набор книг для полевой экспедиции. Если здесь и присутствовала логика, Келли ее не видела.

Девочка прошла дальше. Там, где не было обивки, она заметила прочные перекладки, которыми рабочие укрепляли трейлер. Она слышала, как Торн сказал, что материал, из которого сделаны эти стержни, идет на боевые самолеты. Он очень легкий и прочный. А еще Келли заметила, что все стекла в окнах затянуты металлической сеткой.

Почему трейлер так защищен?

Девочка ощутила легкое беспокойство. Она вспомнила сегодняшний разговор с доктором Левайном по телефону. Он сказал, что окружен.

Чем окружен?

Он сказал: «Я слышу их запах, особенно ночью».

О чем это он?

И кто эти «они»?

Все еще беспокоясь, Келли двинулась в заднюю часть машины, где располагались жилые апартаменты с жалюзи на окнах. Походная кухня, туалет и четыре койки. Над и под койками – вещевые контейнеры. Здесь имелось даже небольшое душевое отделение. Симпатичное.

Потом девочка добралась до гофрированной трубы, соединяющей два трейлера. Она была короткой, похожей на перемычку между двумя пассажирскими вагонами. Вторая машина была полностью приспособлена для хозяйственных нужд – запчасти, коробки с провизией и лабораторным оборудованием, множество полок и шкафов. Все указывало на то, что экспедиция предстоит длительная. На задней стене трейлера даже висел мотоцикл. Келли попыталась открыть ящики шкафов, но они оказались запертыми.

Но даже здесь виднелись укрепляющие стержни, вторую машину тоже подготовили к трудностям путешествия.

– Но почему? – удивилась девочка. – К чему такая защита?

– Глянь, – позвал Арби, подходя к встроенному в стену компьютеру с несколькими дисплеями с обширным набором клавиш. Мальчик выглядел, как кот, нажравшийся сметаны.

– А для чего это? – спросила Келли.

– Просматривать весь трейлер, – ответил Арби. – И отсюда можно делать все, что угодно. Управлять любыми системами и всем снаряжением. А вот камера наблюдения...

Он нажал кнопку, и один из мониторов ожил. На нем появился Эдди, который шел через ангар к их трейлеру.

– Эй, а это что такое? – воскликнул Арби, вглядываясь в нижнюю кнопку под стеклянным колпачком. Открыв колпачок, он обнаружил серебристую кнопку с надписью «ЗАЩ».

– Наверное, это та защита, о которой говорил доктор Торн.

Через минуту Эдди открыл дверцу трейлера и сказал:

– Хватит сажать батареи. Давайте, ребятки, вам пора. Слышали, что сказал док? Валите по домам.

Дети переглянулись.

– Ладно, идем, – ответила Келли.

Они неохотно вылезли из машины и направились к кабинету Торна, чтобы попрощаться.

– Жалко, что нас не берут, – вздохнул Арби.

– Ага.

– Не хочу сидеть дома все каникулы, – продолжал он. – Они-то будут на работе.

Он имел в виду родителей.

– Знаю.

Келли тоже не хотела возвращаться домой. Она так обрадовалась, что сможет вырваться на каникулы из дома, там сейчас было нехорошо. Днем мама работает в страховой компании бухгалтером, а вечером – официанткой в ночном клубе. Потому всегда на работе или с новым приятелем, Филом, который повадился торчать у них дома ночи напролет. Все бы ничего, если бы Эмилия была дома, но Эмилия училась на медсестру, так что Келли оставалась одна. А Фил был полным засранцем. Но маме он нравился, и она слушать не желала про него ничего плохого. Отговаривалась тем, что вот сама подрастешь...

А потому даже сейчас, у дверей Торна, Келли надеялась: вдруг в последнюю минуту инженер передумает и возьмет их с собой? Он сидел за телефоном, спиной к двери. На экране его компьютера было изображение одной из фотографий со спутника, прихваченных из кабинета Левайна. Торн рассматривал фото, увеличивая то один, то другой участок. Дети приоткрыли двери и постучали.

– До свидания, доктор Торн.

– Счастливого, доктор Торн.

Инженер обернулся, не отрывая трубку от уха.

– Пока, детвора!

И помахал рукой.

Келли замялась.

– Послушайте, можем мы просто поговорить с вами минутку...

– Нет, – покачал головой Торн.

– Но...

– Келли! Я сейчас звоню. В Африке уже четыре часа утра, и скоро она отправится спать.

– Кто?

– Сара Хардинг.

– Сара Хардинг тоже едет?! – воскликнула Келли, вцепляясь в ручку двери.

– Не знаю, – буркнул Торн. – Желаю хорошо отдохнуть, ребята. Увидимся через неделю.

Спасибо за помощь. А теперь – пока. – Он бросил взгляд за их спины. – Эдди! Дети уходят.

Проводи их до выхода и запри дверь. Принеси документы! И собери сумку, ты едешь со мной!

И тут же сменил тон:

– Да, оператор, я все еще жду.

И повернулся к ребятам спиной.

Хардинг

Через прибор ночного видения весь мир казался пронзительно зеленым. Сара Хардинг вглядывалась в африканскую саванну. Прямо по курсу из травы поднималась каменистая насыпь. Ярко-зеленые точки сновали туда-сюда между камней. Наверное, какие-нибудь мелкие грызуны, решила Сара.

Она стояла на сиденье джипа и медленно поворачивала голову. Свитер надежно защищал от ночной прохлады, а очки ночного видения слегка давили на переносицу. Неподалеку послышалось уханье гиен, и Сара пыталась найти источник звука.

Она понимала, что даже с этой позиции трудно будет заметить животных, прячущихся в траве. Она повернулась к северу – ничего. Быстро оглянулась, так что зеленый мир zakружился перед глазами. Глянула на юг.

И заметила их.

Трава слегка шевелилась там, где шла стая гиен, готовящихся к нападению. Сара заметила самку, которой дала прозвище Персона номер один, или П1. Эта зверюга держалась чуть в стороне от остальной стаи. Она скалила зубы и приглядывала за товарками, отмечая их передвижение.

Сара Хардинг вгляделась туда, куда метила стая. И заметила жертву – стадо африканских буйволов, мирно пасущихся в высокой, по брюхо, траве. Они медленно переступали с ноги на ногу.

Гиены завывали громче, пытаясь испугать добычу. И ринулись сквозь стадо буйволов, надеясь отогнать телят от матерей. Африканские буйволы кажутся на первый взгляд тупыми и неповоротливыми животными, но на самом деле они – одни из самых опасных млекопитающих южного континента, могучие силачи с острыми рогами, притом весьма сообразительные. Гиенам не под силу свалить взрослую особь, разве что больную или раненую.

Зато они вполне способны загрызть теленка.

Макена, помощник Сары, который сидел за рулем джипа, спросил:

– Подъехать ближе?

– Нет, так нормально.

Даже более того. Машина стояла на склоне пологого холма, и отсюда открывался великолепный вид на саванну. Если повезет, удастся снять всю атаку гиен – от начала до конца. Сара включила видеокамеру, установленную на высоком шесте, и начала быстро наговаривать текст в магнитофон.

– П1 с юга, П2 и П5 заходят с флангов, в двадцати метрах. П3 в центре. П6 кружит на востоке. Не вижу П7. П8 кружит с севера. П1 идет напролом. Стадо разбегается. Вот и П7. Рвется напрямик. П8 заходит с севера. Отступает, снова кружится.

Типичный прием гиен. Главенствующая особь бежит через стадо, пока остальные окружают его и заходят с разных сторон. Буйволы не в состоянии отследить направление атаки. Она вслушалась в звуки запаниковавшего стада, которое рассредоточилось и ринулось в разные стороны. Телят не видно – они были ниже травы, но слышны их отчаянные крики.

Гиены вернулись. Буйволы уперлись ногами в землю и угрожающе наклонили рогатые головы. Трава шла рябью там, где кружились воюющие и тьявкующие хищники. Их вопли становились все более отрывистыми и громкими. Сара краем глаза заметила самку П8, челюсти которой уже стали алыми. Но саму атаку Хардинг не видела.

Стадо буйволов чуть сдвинулось к востоку, где перегруппировалось. Одна из буйволих оказалась чуть в сторонке от остальных. Она не переставала бросаться на гиен. Вероятно, хищники зарезали ее теленка.

Хардинг расстроилась. Все произошло так быстро – слишком быстро. Либо теленок был ранен, либо еще очень молод, может, только что родился. Некоторые буйволихи до сих пор телились. Нужно будет просмотреть запись, чтобы определить, в чем дело. С быстрыми животными так и получается.

Но гиены, без сомнения, завладели добычей. Они сгрудились в одном месте, подвывая и прыгая. Сара заметила ПЗ, потом П5 – морды хищниц были в крови. Тут подросли щенки, взрослые звери расступились и начали помогать детенышам – отхватывали куски получше и держали, пока щенки грызли.

Все это было знакомо Саре Хардинг, которая последние несколько лет считалась лучшим в мире специалистом по гиенам. Когда она впервые опубликовала свои работы, они были встречены холодным недоверием и даже презрением коллег, которые восприняли ее результаты как личное оскорбление. Сару обвиняли в том, что она женщина, что она красива, что она «переносит феминистические воззрения в природный мир». В университете намекали, что она может вылететь с должности. Коллеги качали головами. Но Сара не сдавалась, и постепенно, по мере накопления информации, ее взгляд на гиен переняли все.

«И все же гиены – не слишком милые создания», – думала Сара, наблюдая за их ужином. Непропорционально крупные головы и сутулые тела, свалывшаяся шерсть, кошмарные пасти, пронзительные голоса, а крики напоминают противный смех. В цивилизованном мире небоскребов дикая природа воспринимается романтически, животные делятся на благородных и подлых, на героев и злодеев. В нашем усредненном мире гиены кажутся не слишком фотогеничными, чтобы радовать глаз. Они издавна считались хохочущими злодеями африканской саванны и никогда не пользовались симпатией изучающих их исследователей, пока за дело не взялась Сара Хардинг.

То, что она открыла, представило гиен в совершенно новом свете. Отважные охотники и заботливые родители, живущие в очень сложном социуме – собственно, в условиях матриархата. Что же до их тошнотворного смеха, то таким образом они общаются между собой.

Сара услышала рык и через прибор ночного видения заметила льва,двигающегося к убоине. Это была крупная самка, которая приближалась кругами. Гиены залаяли и защелкали зубами на львицу, отгоняя щенков подальше в траву. Через мгновение показались остальные львы и принялись пировать убитым гиенами теленком.

Так, львы. Вот уж точно кошмарные твари. Хотя их называют царями зверей, на самом деле они злобны и...

Зазвонил телефон.

– Макена, – скомандовала Сара.

Телефон зазвонил снова. Кому же это не терпится?

Сара нахмурилась. Львы завертели головами, прислушиваясь.

Макена пошарил под приборной доской, ища трубку. Телефон успел зазвонить еще трижды, прежде чем отыскался.

– Да, доктор Хардинг здесь, – услышала Сара.

Помощник протянул ей трубку:

– Это доктор Торн.

Она неохотно сняла очки и поднесла трубку к уху. Торна Сара хорошо знала, именно он делал большую часть снаряжения для ее джипа.

– Док, надеюсь, что вы с чем-то срочным?

– Да, – ответил Торн, – я хочу поговорить о Ричарде.

– Что с ним? – Сара уловила в голосе собеседника беспокойство.

– Он не говорил с вами о своих исследованиях?

– Нет, а что?

– Совсем ничего не говорил?

– Нет, он всегда скрытничал. Но мне показалось, что он нашел популяцию животных, которые живут в какой-то замкнутой биологической системе. Вот и все. Вы же знаете, какой он. А что?

– Он пропал, Сара. Мы с Малкольмом считаем, что он в порядочной переделке. Сейчас он находится на одном острове возле Коста-Рики. И мы собираемся лететь за ним.

– Сейчас?

– Ночью. Вылетаем через пару часов в Сан-Хосе. Ян со мной. Мы хотим, чтобы ты к нам присоединилась.

– Док, – фыркнула Сара, – даже если я успею на утренний рейс из Серонеры в Найроби, у меня уйдет целый день на перелет. И это если повезет. Я имею в виду...

– Решай, – перебил ее Торн. – Я дам тебе координаты, а ты решай.

Он продиктовал ей все, что знал, а Сара записывала в блокнот, положив его на стиб локтя. Потом Торн попрощался и отключился.

Хардинг стояла, глядя на африканскую ночную саванну, и ветер охлаждал ей щеки. Из темноты доносилось урчание и рык львов. Здесь была ее работа. Ее жизнь.

– Доктор Хардинг? – спросил Макена. – Что будем делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.